

ЗАПЛАНИРОВАННЫЙ ХАОС

Людвиг фон Мизес

Запланированный хаос

Людвиг фон Мизес

УДК 338.24

ББК 65.02

М57

Shevtsov Library

Перевод с английского:

Е. Журавский, Б. Пинскер, В. Родионов

Мизес, Людвиг фон.

Запланированный хаос / Людвиг фон Мизес ; пер. с англ. под ред. А. Шевцова — Москва: Shevtsov Library — 91 с.

Название книги взято из описания Мизесом реальности централизованного планирования и социализма, будь то национального (нацизм) или международного (коммунизм). Вместо того, чтобы создать упорядоченное общество, попытка централизованного планирования имеет прямо противоположный эффект. Замыкая ценовой механизм и заставляя людей жить экономической жизнью, противоречащей их собственному выбору, централизованное планирование разрушает базу капитала и создает экономическую хаотичность, которая в конечном итоге приводит к гибели процветания.

Эта важная работа была написана спустя десятилетия после оригинального эссе Мизеса об экономическом расчете и содержит самую широкую и смелую атаку на все формы государственного контроля.

Впервые опубликовано в 1947 году FEE.

В 1950 году включено в качестве эпилога в переиздании книги «Социализм: экономический и социологический анализ».

© Издательство «Дело», 1993

© Shevtsov Library, 2022

УДК 338.24

ББК 65.02

М57

Содержание

Введение	5
I. Провал интервенционизма	8
II. Диктаторский, антидемократический и социалистический характер интервенционизма	15
III. Социализм и коммунизм	29
IV. Агрессивность России	42
V. Троцкистская ересь	51
VI. Высвобождение демонов	58
VII. Фашизм	68
VIII. Нацизм	74
IX. Уроки советского опыта	80
X. О неизбежности социализма	89

Введение

Антикапитализм – характерная черта эпохи диктаторов, войн и революций. Большинство правительств и политических партий склонны к ограничению сферы частной инициативы и свободного предпринимательства. Убеждение, что капитализм отжил своё и что грядущая всесторонняя регламентация экономической активности одновременно и желательна и неизбежна – стало почти не оспариваемой догмой.

При всём при этом капитализм ещё очень силен в Западном полушарии. Прогресс капиталистической промышленности даже в последние несколько лет поразителен. Методы производства очень усовершенствовались. Потребители получают более дешёвые и лучшего качества товары, в том числе много новинок, которые были невообразимы ещё пару лет назад. Во многих странах объём производства расширился, а качество товаров совершенствовалось. Несмотря на антикапиталистическую политику всех правительств и почти всех политических партий, капиталистический сектор хозяйства всё ещё выполняет свою социальную функцию по предоставлению потребителям большего количества всё более дешёвых и более качественных товаров.

Улучшение качества жизни в странах, приверженных принципу частной собственности на средства производства, конечно же, ни в какой степени не является заслугой правительственных и профсоюзных чиновников, равно как и функционеров политических партий. Не канцелярии и бюрократы, но большой бизнес заслуживает похвалы за то, что основная часть семей в США владеет автомобилем или приёмником. Рост душевого потребления в Америке по сравнению с тем, что было четверть века назад, не является результатом деятельности законов или администрации. Это достижение бизнесменов, которые расширяли свои предприятия или создавали новые.

Цель нашего очерка – проанализировать корни преудбеждения против капитализма и проследить следствия такого взгляда на капитализм.

Этот момент следует подчеркнуть, поскольку современники склонны его игнорировать. Замороженные предрассудками этатизма и иллюзиями всемогущества правительства, они во всём склонны видеть только эффект правительственных мероприятий. Они ожидают всего от предприимчивости властей и почти ничего не ждут от инициативы граждан. И при всём этом единственный путь к росту благосостояния – рост объёма производства. К этому и стремится деловой мир.

Абсурдность нашего времени в том, что гораздо больше внимания уделяется достижениям правительственного Управления по развитию долины Теннесси, чем несравненным и беспрецедентным достижениям американской промышленности. Однако именно последние позволили Союзникам выиграть войну.

Предрассудок, согласно которому *государство* или *правительство* воплощают почти всё благое и благотворное, а индивидуумы – жалкие ничтожества, склонные постоянно вредить друг другу и нуждающиеся в опеке, – почти никем не оспаривается. Даже малейшее сомнение в нём – запрещено. Тот, кто провозглашает божественность государства и непогрешимость его священников – бюрократов, есть беспристрастный служитель социальных наук. Все пытающиеся возражать клеймятся как преудбеждённые и узколобые. Адепты нового культа Государства ещё более фанатичны и менее терпимы, чем были магометанские завоеватели Африки и Испании.

История назовёт наше время эпохой диктаторов и тиранов. В последние годы мы были свидетелями крушения двух из этих раздувшихся сверхчеловеков. Но дух, который вознёс этих прохвостов к самодержавной власти, сохранился. Он пронизывает учебники и газеты, он звучит из уст учителей и политиков, он воплощается в партийных программах, в романах и пьесах. Пока этот дух преобладает, не может быть надежды на длительный мир, на демократию, на сохранение свободы

или на подъём национальных экономик.¹

¹ Я использую термин «демократия» для обозначения системы правления, при которой управляемые могут определять прямо (плебисцитом) или косвенно (через выборы) способ отправления исполнительной и законодательной власти и выбирать высших администраторов. Демократия есть прямая противоположность принципов большевизма, нацизма и фашизма, согласно которым группа самозванных лидеров может и должна силой захватить бразды правления и насильем принудить большинство к повиновению.

I. Провал интервенционизма

Нет ничего менее популярного ныне, чем экономика свободного рынка, т. е. капитализм. Всё, что считается неудовлетворительным в современных условиях, приписывается действию капитализма. Атеисты возлагают на капитализм ответственность за возрождение христианства. Но папские энциклики клеймят капитализм за распространение равнодушия к религии и за грехи современного человечества, а протестантские церкви и секты не менее горячо обличают капиталистическую алчность. Пацифисты видят в войнах проявление капиталистического империализма. Но несгибаемые националисты в Германии и Италии ставят в вину капитализму «буржуазный» пацифизм, враждебный человеческой природе и неизбежным законам истории. Моралисты клеймят капитализм за разрушение семьи и насаждение распущенности. Но «прогрессисты» ставят ему в счёт сохранение устарелых сексуальных ограничений. Почти все согласны в том, что нищета есть результат капитализма. С другой стороны, многие склонны изобличать капитализм в том, что, потворствуя тяге людей к удобствам и зажиточности, он насаждает грубый материализм. Эти противоречивые обвинения капитализма взаимно уничтожаются. Но остаётся фактом, что очень немногие сейчас воздерживаются от возможности обвинить капитализм хоть в чем-нибудь.

Хотя капитализм является экономической базой современной Западной цивилизации, политика всех западных стран направляется явно антикапиталистическими идеями. Цель всех разновидностей интервенционизма не в сохранении капитализма, но в замещении его смешанной экономикой. Предполагается, что такая смешанная экономика не является ни капитализмом, ни социализмом. Она описывается как третий путь,

равнодалекий и от капитализма, и от социализма. Предполагается, что, пребывая посередине, третий путь сохраняет все достоинства и капитализма и социализма, не имея в то же время недостатков того и другого.

Более полувека назад выдающийся деятель английского социалистического движения Сидней Вебб провозгласил, что социалистическая философия представляет собой «сознательное и явное провозглашение принципов организации общества, которые уже были освоены, большей частью бессознательно». Он добавлял, что экономическая история XIX века была «почти непрерывным свидетельством прогресса социализма».² Несколько годами позже, почтенный государственный деятель Британии сэр Вильям Харкерт, констатировал: «Мы все социалисты теперь».³ Когда в 1913 году американец Элмер Робертс опубликовал книгу об экономической политике имперского правительства в Германии с конца 1870-х годов, он назвал её политикой «монархического социализма».⁴

Было бы, однако, неверным просто отождествлять интервенционизм и социализм. Немало таких, кто поддерживает политику государственного регулирования экономики как самый подходящий, способ прийти – шаг за шагом – к полному социализму. Но немало и таких интервенционистов, которые не являются отъявленными социалистами; их цель – создание смешанной экономики как долговременной системы управления хозяйством. Они стремятся к ограничению, регулированию и «совершенствованию» капитализма посредством государственного вмешательства в деловую активность и организации рабочих в профсоюзы.

Чтобы понять существо смешанной экономики и природу государственного вмешательства в хозяйственные процессы, нужно прояснить два момента.

Во-первых, если в рамках частнособственнической эконо-

² Sidney Webb, *Fabian Essays in Socialism*. New York, 1891, стр. 4.

³ G. M. Trevelyan, *A Shortend History of England London*, 1942, стр. 510.

⁴ Elmer Roberts, *Monarchical Socialism in Germany*, New York, 1913.

номики некоторые средства производства оказываются у правительства или муниципалитетов, это ещё не означает, что мы имеем дело со смешанной экономикой, соединяющей черты социализма и частной собственности. Пока лишь отдельные предприятия контролируются государством, свойства рыночной экономики, как основы хозяйственной жизни, остаются незатронутыми. Государственные предприятия в роли покупателей сырья, полуфабрикатов и труда, так же как в роли продавцов товаров и услуг, вынуждены подлаживаться к механизмам рыночной экономики. Они подчинены закону рынка; они вынуждены стремиться к прибыли или, по крайней мере, избегать убытков. Когда они пытаются ослабить или вовсе устранить эту зависимость, покрывая убытки таких предприятий казёнными субсидиями, единственным результатом оказывается сдвиг зависимости куда-либо ещё. Это происходит просто потому, что средства для субсидий нужно где-то брать. Их можно получить из налогов. Но налоговые тяготы ложатся на людей, а не на правительство, налоги собирающее. Рынок, а не налоговое управление, определяет, на кого падает бремя налогов и как оно влияет на производство и потребление. Рынок и его неизбежный закон сохраняют верховенство.

Во-вторых. Есть два способа строительства социализма. Один – мы можем называть его марксистским или «русским» – есть путь чисто бюрократический. Все предприятия становятся подразделениями государственного механизма, так же как управление армией и флотом или почтовой службой. Каждый отдельный завод, магазин или ферма занимают такое же положение по отношению к вышестоящему центру, как и почтовое отделение к Управлению почт. Весь народ преобразуется в единую трудовую армию, служба в которой обязательна; командующий этой армией является главой государства.

Второй путь к социализму – мы можем назвать его «германским» или системой *Zwanguwirtschaft*⁵ – отличается от первого тем, что иллюзорно и номинально сохраняет частную соб-

⁵ *Zwang* означает принуждение, *Wirtschaft* означает экономию. Эквивалент *Zwangswirtschaft* на английском языке это что-то вроде обязательной экономики.

ственность на средства производства, предпринимательство и рыночную торговлю. Так называемые предприниматели продают и покупают, платят работникам, берут кредиты и платят проценты. Но они на самом деле больше не предприниматели. В нацистской Германии их называли управляющими предприятиями или *Betriebsfuhrer*. Правительство диктовало этим мнимым предпринимателям, что и как производить, по какой цене и у кого покупать, по какой цене и кому продавать. Правительство назначало тарифы и оклады, а также – кому и на каких условиях капиталисты должны доверять своё имущество. Рыночный обмен в этих условиях был чистой фикцией. Когда цены, заработная плата и процентные ставки назначаются правительством, они только формально остаются ценами, заработной платой и процентными ставками. В действительности они превращаются в числовые коэффициенты, с помощью которых авторитарный порядок определяет доход, потребление и уровень жизни каждого гражданина. Правительство, а не потребитель, направляет производство. Властвует центральный совет управления производством, а все граждане становятся просто служащими государства. Это – социализм, имеющей внешность капитализма. Некоторые черты капиталистической рыночной экономики при этом сохраняются, но они означают здесь нечто совершенно иное, чем в системе рыночной экономики.

Этот факт необходимо выделить, чтобы не путать социализм с интервенционизмом. Система ограниченной рыночной экономики или интервенционизм отличается от социализма именно тем, что это всё ещё рыночная экономика. Власти стремятся влиять на рынок с помощью административного воздействия, но не стремятся к устранению рынка вообще. Они хотят, чтобы производство и потребление изменялись иначе, чем этого требует нестесненный рынок, и стремятся достичь этого за счёт приказов, команд и ограничений, действенность которых обеспечивается всегда готовым к услугам аппаратом насилия и принуждения. Но это изолированные воздействия; власти пока ещё не планируют соединить регулирующие меры в инте-

грированную систему, которая бы полностью контролировала все цены, доходы и процентные ставки, и которая, таким образом, сделала бы контроль производства и потребления делом государственной власти.

Однако все методы интервенционизма обречены на провал. Это означает: интервенционистская политика необходимо ведёт к результатам, которые *с точки зрения собственных сторонников* менее удовлетворительны, чем положение дел до вмешательства. Следовательно, эта политика ведёт к результатам, противоположным намечаемым.

Фиксированный минимум заработной платы, устанавливается ли он правительственным декретом или давлением профсоюзов, бесполезен, если он соответствует рыночному уровню. Но если закон установит минимальную заработную плату на уровне более высоком, чем это сделал бы неограниченный рынок, то результатом будет постоянная безработица значительной части потенциальной рабочей силы.

Правительственные расходы не способны создавать дополнительные рабочие места. Если правительство финансирует соответствующие расходы за счёт налогов или за счёт займов, оно, тем самым, уничтожает столько же рабочих мест, сколько и создаёт. Если правительственные расходы финансируются за счёт займов у коммерческих банков, это ведёт к кредитной экспансии и инфляции. Если в результате этой инфляции цены на сырьё и материалы будут расти быстрее, чем номинальная заработная плата, безработица сократится. Но сокращение безработицы означает всего лишь, что реальная заработная плата уменьшается.

Врождённые свойства капиталистической эволюции определяют постепенный рост реальной заработной платы. Причиной является последовательное накопление капитала и совершенствование технологии производства. Нет иного способа поднять уровень заработной платы для всех желающих, чем увеличить инвестированный капитал в расчёте на одного занятого. Как только прекращается накопление дополнительного капитала, исчезает и тенденция к росту реальной заработ-

ной платы. Если вместо приращения начинается проедание капитала, реальная заработная плата начинает неизбежно падать, и так до тех пор, пока не будут устранены препятствия к дальнейшему приращению капитала. Правительственные меры, которые замедляют накопление или ведут к проеданию капитала – как, например, конфискационное налогообложение, пагубны для жизненных интересов рабочих.

Кредитная экспансия может вызвать временный бум. Но такое кажущееся процветание неизбежно кончается общим упадком торговли, кризисом.

Едва ли можно утверждать, что экономическая история последних десятилетий не оправдала пессимистических прогнозов экономистов. Наше время обречено на великие экономические потрясения. Но дело не в кризисе капитализма. Это кризис интервенционизма, кризис политики, созданной для совершенствования капитализма.

Ни один экономист никогда не рисковал утверждать, что интервенционизм может привести к чему-нибудь, кроме несчастья и хаоса. Защитники интервенционизма – в первую очередь, последователи прусской исторической школы, и американские институционалисты – не были экономистами. Напротив. Для реализации своих замыслов, они всегда отрицали, что на свете есть такие вещи, как законы экономики. По их мнению, правительства вольны стремиться к любым целям, не связывая себя знанием о закономерности экономических явлений. Подобно германскому социалисту Фердинанду Лассалю, они полагали, что государство и есть Бог.

Интервенционистам не свойственно подходить к анализу экономических вопросов с научной беспристрастностью. Большой частью ими руководит завистливое недоброжелательство к тем, кто их богаче. Такая предубежденность лишает их способности видеть вещи, как они есть. Для них главное – не улучшение жизненных условий населения, но борьба с предпринимателями и капиталистами, даже если эта политика пагубна для большинства.

В глазах интервенционистов само существование прибы-

ли есть беззаконие. Они, рассуждая о прибыли, не учитывают её противоположности – убытков. Они не сознают, что прибыль и убыток – это инструменты, посредством которых потребитель держит под жёстким контролем всю активность предпринимателей. Именно прибыль и убыток делают потребителя высшей властью в хозяйстве. Абсурдно противопоставлять производство для прибыли и производство для потребления. На неестественном рынке прибыль можно получать только снабжая потребителей требуемыми товарами и услугами, и при этом – самым лучшим и дешёвым способом. Прибыль и убыток перемещают материальные факторы производства из рук неэффективных в пользу более эффективных производителей. Такова их социальная функция: делать в хозяйственной жизни более влиятельным того, кто наилучшим образом производит желаемое людьми. Потребители страдают, когда законы страны не позволяют самым эффективным предпринимателям расширять своё дело. Именно успешное удовлетворение массового спроса сделало некоторые предприятия – «большим бизнесом». Антикапиталистическая политика саботирует деятельность капиталистической системы рыночной экономики. Провал интервенционизма вовсе не свидетельствует о необходимости перехода к социализму. Он просто говорит о тщете интервенционизма. Все те беды, которые самодельные «прогрессисты» толкуют как свидетельство краха капитализма, есть результат предположительно благотворного вмешательства в работу рынка. Только невежды, ошибочно отождествляющие интервенционизм и капитализм, могут полагать, что в социализме спасение от этих бед.

II. Диктаторский, антидемократический и социалистический характер интервенционизма

Многие защитники интервенционизма шалуют, когда им говоришь, что их позиция усиливает антидемократические и диктаторские силы, играет на руку тоталитарному социализму. Они защищаются, заявляя о себе как об искренних поклонниках демократии и врагах тирании и социализма. Они стремятся только к улучшению положения бедняков. Ими движут только любовь к социальной справедливости и стремление к более справедливому распределению дохода. И всё это только ради сохранения капитализма и его политической надстройки или суперструктуры, а именно: демократического правительства.

Чего эти люди не способны осознать – это, что предлагаемые ими меры не способны привести к желаемым благим результатам. Напротив, они порождают такое состояние дел, какое – с точки зрения их защитников – много хуже изначального, которое пытались улучшить. Если правительство, столкнувшись с крахом первого вмешательства, не готово вернуться к свободной экономике и позволить рынку выправить ситуацию, оно должно будет наращивать цепь ограничений и регулирования. По этому пути шаг за шагом оно дойдёт до того, что все экономические свободы индивидуума исчезнут. При этом и возникнет социализм на германский манер, *Zwangswirtschaft* нацистов.

Мы уже поминали случай с минимальной заработной платой. Пойдём дальше и проанализируем типичный случай контроля цен.

Если правительство стремится обеспечить бедных детей молоком, оно должно купить молоко по рыночной цене и затем продать его подешевле; убытки можно покрыть за счёт налогов. Но если правительство просто установит цену молока на

уровне ниже рыночного, результаты окажутся противоположными целям правительства. Слабейшие производители, чтобы избежать убытков, прекратят производство и торговлю молоком. Молока на рынке станет меньше, а не больше. Это совсем не то, к чему стремилось правительство. Оно ведь вмешалось потому, что считало молоко жизненной необходимостью. Оно не хотело ограничивать его производство.

Теперь правительство оказывается перед выбором: либо отказаться от намерений контролировать цены, либо добавить к первому декрету второй – зафиксировать цены факторов производства, необходимых для производства молока. Тогда эта же история повторится. Правительству придётся зафиксировать цены тех факторов производства, которые необходимы для производства молока. Так, правительству придётся идти всё дальше, фиксируя цены всех факторов производства – цены труда и материалов – и принуждая каждого предпринимателя и каждого рабочего продолжать трудиться при этих ценах и заработной плате. Ни одна ветвь производства не сможет избежать всеохватывающего определения цен и заработной платы. Если исключить из этого круга какие-либо производства, они начнут стягивать к себе труд и капитал, а в результате сократится производство тех товаров, для которых цены установлены правительством. Это и будут те самые производства, которые правительство сочло особенно важными для удовлетворения потребностей населения.

Но когда достигнуто состояние всестороннего контроля хозяйственной жизни, рыночная экономика оказывается вытесненной системой плановой экономики, социализмом. Конечно, это не социализм, при котором непосредственное управление каждым предприятием осуществляет правительство, как в России, это – социализм на германский или нацистский манер.

Многие были восхищены предполагаемым успехом политики контроля цен в Германии. При этом говорилось: достаточно быть столь же безжалостным и грубым как нацисты, и политика контроля цен станет вполне осуществимой. Эти люди,

готовые в борьбе с нацизмом использовать его же методы, не поняли того, что нацисты осуществляли контроль цен не в рыночной системе, но в полноценном социалистическом обществе, в тоталитарной республике.

Если контроль цен ограничен только некоторыми сырьевыми товарами, то получатся результаты, обратные намеренным. Он не может работать удовлетворительно в рамках рыночной экономики. Если правительство из провала ограниченных попыток контроля цен не сделает вывода о необходимости оставить вовсе эти эксперименты, то ему придётся идти всё дальше и дальше, замещая рыночные отношения всесторонним социалистическим планированием.

Производство может направляться либо рыночными ценами, которые устанавливаются в результате того, что кто-то купил, а кто-то воздержался от покупки, либо центральным правительственным советом по управлению производством. Третьего решения не существует. Невозможна третья социальная система, которая была бы ни социалистической, ни капиталистической. Правительственный контроль только части цен должен привести к положению, которое всегда и везде будет предельно нелепым и несовместимым ни с какими разумными целями. Такая политика ведёт к хаосу и социальным беспорядкам.

Именно это имеют в виду экономисты, говоря об экономическом законе в том смысле, что интервенционизм противоречит закону экономики.

В рыночной экономике верховным авторитетом являются потребители. Решения купить или не покупать определяют, что производится предприятиями, в каком количестве и какого качества. Покупки непосредственно, напрямую определяют цены потребительских товаров, а косвенно, – и цены всех инвестиционных товаров, то есть цены трудовых ресурсов и материальных факторов производства. Покупательская активность влияет на формирование прибылей и убытков, определяет ставки кредитов. В конечном счёте, потребитель определяет каждый индивидуальный доход. Центром рыночной экономики явля-

ется сам рынок, то есть процесс образования цен на товары массового спроса, ставок заработной платы, величины процента и их производных – прибылей и убытков. Эта зависимость носит непосредственный, прямой характер для предпринимателей, фермеров, капиталистов и лиц свободных профессий, и косвенный характер для всех остальных – работающих за жалование или заработную плату. Рынок согласует усилия тех, кто производит товары для нужд потребителей, и желания самих потребителей. Он подчиняет производство нуждам потребления.

Рынок – это демократический строй, в котором каждый грош даёт право голоса. Конечно, у разных людей далеко не одинаковые возможности голосования. Богачи имеют больше бюллетеней, чем бедняки. Но в рыночной экономике богатство и большие доходы – это результат прошлых выборов. В рыночной экономике, не развёрнутой правительственными привилегиями и ограничениями, единственный путь к приобретению и сохранению богатства – услужение потребителю самым лучшим и дешёвым способом. Капиталисты и землевладельцы, которые не могут преуспеть в этом, несут убытки. Если они не способны изменить своего поведения, то разоряются и становятся бедняками. Потребители – та инстанция, которая превращает бедняков в богачей и наоборот. Это решением потребителей доходы кинозвезды и оперной дивы настолько больше доходов бухгалтера или сварщика.

Каждый волен не соглашаться с результатами выборной кампании или рыночного процесса. Но в демократическом обществе у него есть единственный способ изменить что-либо – убедить других. Того, кто говорит: «Мне не по душе выбранный мэр. Попрошу-ка я правительство заменить его другим человеком», – вряд ли кто-либо сочтёт демократом. Но если нечто в том же роде произносится по поводу рыночных дел, то большинству людей просто не хватит воображения, чтобы увидеть в этом притязания на диктатуру.

Потребители сделали свой выбор, чем и определили доходы фабриканта обуви, кинозвезды и сварщика. Кто такой про-

фессор X, что берёт на себя привилегию менять их решения? Если бы он не был потенциальным диктатором, то не попросил бы правительство о вмешательстве. Он бы попытался убедить сограждан в том, что нужно увеличить спрос на услуги сварщика и сократить спрос на обувь и кинофильмы.

Потребители не желают платить за хлопок такую цену, чтобы даже предельные фермы, то есть те, которые производят хлопок при самых неблагоприятных условиях, стали прибыльными. Конечно, это скверно для многих фермеров, которым теперь нужно бросить выращивание хлопка и найти иной способ включиться в круговорот производства.

Но что нам думать о государственном деятеле, который административными мерами поднимает иены хлопка над уровнем свободных рыночных иен? Целью вмешательства является замена воли потребителей на силы полицейского давления. Все разговоры о том, что государство должно сделать то или это, означают, в конечном итоге, лишь одно: администрация должна принудить потребителей вести себя иначе, чем хочется им самим. Все предложения типа: «поднимем сельскохозяйственные цены», «поднимем заработную плату», «понижим прибыли», «урежем доходы менеджеров», – в конечном счёте, предполагают в качестве слушателя – полицию. Однако авторы такого рода проектов настаивают на том, что они стремятся к свободе и демократии.

Во всех несоциалистических странах профсоюзам дарованы особые права. Им позволено не допускать к работе тех, кто не является членом союза. Они могут призывать к стачкам, а во время стачек они вольны применять силу к тем, кто готов работать, т. е. к штрейкбрехерам. Неограниченные привилегии даны работникам ключевых отраслей промышленности. Те, от кого зависит снабжение населения водой, светом, пищей и другими насущными благами, могут в результате забастовки вырвать у общества всё, что заблагорассудится – за счёт остального населения. В Соединённых Штатах до сих пор соответствующие профсоюзы использовали такие возможности с похвальной умеренностью. Другие профсоюзы, в том числе

европейские, были менее сдержаны. Они склонны при случае добиться прироста заработной платы любыми средствами, не заботясь о страданиях других.

Интервенционистам просто не хватает мозгов, чтобы осознать, что давление и принуждение со стороны профсоюзов абсолютно несовместимы ни с какой системой организации общества. Эта проблема никак не соотносится с правом граждан создавать союзы и ассоциации: во всех демократических странах граждане имеют эти права. Никто не оспаривает и права человека отказаться от работы, забастовать. Сомнение вызывает только привилегия профсоюзов на безнаказанное обращение к насилию. Эта привилегия столь же несовместима с социализмом, как и с капитализмом. Никакое социальное сотрудничество и разделение труда невозможны, если некоторые люди или союзы имеют право насильем или угрозой насилия не допускать других к работе. Подкреплённая насильем стачка в жизненно важных отраслях производства, равно как и всеобщая стачка равносильны революционному разрушению общества.

Правительство фактически складывает свои полномочия, если оно позволяет кому-либо ещё осуществлять насилие. Результатом отказа правительства от монопольного права на насилие и принуждение является общественная анархия. Если верно, что демократическое правление не способно, безусловно, оградить право на труд от посягательства профсоюзов, демократия обречена. Тогда диктатура – единственный способ сохранить систему разделения труда и избежать анархии. Диктатура в России и Германии стала результатом того, что там не нашли демократических способов обуздать насилие профсоюзов, просто в силу особенностей менталитета обеих стран. Диктатура запретила стачки и, тем самым, сломала хребет профсоюзов. В Советской Империи не возникает и вопроса о забастовках.

Вера в то, что арбитраж способен ввести профсоюзы в рамки рыночной экономики и сделать их безвредными для сохранения внутреннего мира, иллюзорна. Судебное разрешение

противоречий возможно при наличии ряда правил, приложимых к каждому отдельному случаю. Но если бы такой кодекс существовал и на его основе можно было бы разрешать конфликты о величине заработной платы, то тогда уже не рынок, а именно этот кодекс определял бы величину заработной платы. Тогда бы стало всевластным правительство, а не потребитель, продающий и покупающий на рынке. Если же такого кодекса не существует, то нет и инструмента для разрешения конфликта между работниками и хозяевами. Тогда тщетны все разговоры о «справедливой» заработной плате. Идея справедливости лишена смысла, если не соотносится с общепринятым стандартом. На практике, если предприниматели не пасуют перед угрозами профсоюзов, обращение к третьей стороне означает лишь, что конфликт разрешает назначенный правительством посредник. В установлении цены роль рынка вытесняет произвольное решение государственной власти. А вопрос всегда один и тот же: правительство или рынок. Третьего решения не существует.

Метафоры зачастую полезны для уяснения сложных проблем, чтобы сделать их доступными не очень подготовленным людям. Но они же могут завести в тупик и абсурд, если забыть, что всякое сравнение несовершенно. Просто глупо относиться к метафорам всерьёз и строить на них серьёзные выводы. Не было ничего дурного в том, что экономисты описывали рыночные операции как *автоматические*, и при этом привычно подчёркивали *анонимность* рыночных сил. Нельзя было предугадать, что кто-либо окажется настолько тупым, чтобы воспринимать эти метафоры буквально.

Не *автоматические* и не *анонимные* силы приводят в действие механизм рынка. Единственным фактором, который направляет работу рынков и определяет цены, являются целенаправленные действия человека. В этом нет автоматизма: есть только человек, сознательно стремящийся к избранным целям, использующий при этом определённые средства для достижения этих целей. Не существует таинственных механических сил: есть только воля каждого индивидуума – насытить свои

желания. На рынке нет анонимности: есть вы и я, Билл и Джо и все остальные. Каждый из нас участвует одновременно и в производстве и в потреблении. Каждый вносит свой вклад в определение цен.

Перед нами не стоит выбор между автоматическими силами и плановыми действиями. Мы выбираем между демократическим процессом рынка, в котором каждый имеет свою долю, и абсолютистской властью диктаторского правительства. Что бы ни делали люди в рамках рыночной экономики, они всегда реализуют свои собственные планы. В этом смысле каждое действие человека предполагает планирование. Защитники идеи планирования призывают вовсе не к тому, чтобы заместить хаос порядком планирования. Они стремятся сделать так, чтобы вместо планов всех и каждого реализовывался план самого планировщика. Планировщик – это потенциальный диктатор, который стремится к тому, чтобы лишить всех остальных власти планировать и затем действовать в соответствии со своими собственными планами. Он стремится только к одному: к исключительному и абсолютному господству своего собственного плана.

Не менее ошибочно высказывание, что у несоциалистического правительства не может быть планов. Что бы ни делало правительство, это всегда выполнение тех или иных планов, замыслов. Можно не соглашаться с каким-либо планом. Но нельзя сказать, что это вовсе не план, а что-то иное. Профессор Уэсли С. Митчелл утверждал, что либеральное правительство Британии «планировало не иметь вовсе никаких планов».⁶ В его планы входило поддержание частной собственности на средства производства, защита свободной инициативы и рыночной экономики. Великобритания была процветающей страной в период этих планов, которые, согласно профессору Митчеллу, вовсе не были «планами».

Планировщики претендуют на то, что их планы научны, и что благонамеренные и достойные люди не могут их не одо-

⁶ Westley C. Mitchell, *The Social Sciences and National Planning*, – *Planned Society*, ed. Findlay Mackenzie, New York, 1937, стр. 112.

брить. Однако наука не может нам сказать ничего о должном. Наука может говорить только о том, что есть. Она не может диктовать, что должно быть и к каким целям следует стремиться, фактом является то, что люди расходятся в своих ценностных суждениях. Претензия на право отменять планы других и понуждать их к выполнению планов самого планировщика – наглая самонадеянность. Чей план следует исполнять? План СЮ или каких-либо других групп? План Троцкого или Сталина? План Гитлера или Штрассера?

Когда люди были привержены идее, что в области религии следует придерживаться только одного плана, гремели кровавые войны. С распространением принципов религиозной свободы эти войны утихли. Рыночная экономика обеспечивает мирное экономическое сотрудничество, поскольку она не затрагивает экономические планы своих граждан. Попытка заменить планы каждого гражданина общим Суперпланом должна привести к бесконечной войне. У тех, кто не согласен с планом диктатора, не остаётся другого выхода, как сразить деспота силой оружия.

Вера в то, что система планового социализма может быть совмещена с демократическим правлением – иллюзорна. Демократия неразрывно связана с капитализмом. Она не может существовать там, где существует единое планирование. Припомним слова известнейшего из современных защитников социализма, профессора Гарольда Ласки. Он заявлял, что победа британских лейбористов на выборах должна привести к радикальному изменению парламентской системы. Социалистическая администрация нуждается в «гарантиях», что её труды по перестройке общества не будут «разрушены» в случае поражения на следующих выборах. Значит, неизбежной оказывается приостановка действия Конституции.⁷ Как рады были бы Карл I и Георг III, доведись им ознакомиться с книгами профессора Ласки!

Сидней и Беатриса Вебб (Лорд и Леди Пассфилд) говорят нам, что «в любом совместном деле единство мысли настолько

⁷ Laski, *Democracy in Crisis*, Chapel Hill, 1933, стр. 87–88.

важно для успеха, что, если мы хотим чего-то достичь, публичные дискуссии следует отложить на время от обнародования решения до выполнения задачи». В то время, когда «дело делается», всякое выражение сомнения или даже страха, что план окажется неуспешным, «является актом неверности или даже предательства» <Sidney and Beatrice Webb, *Soviet Communism: A new Civilization?* New York, 1936, Vol. II, p. 1038–1039 (Вебб С. и Б. Советский коммунизм – новая цивилизация? Т. 2. М., 1937, с. 484–485)>. А поскольку процесс производства непрерывен, и всегда какое-то дело делается и всегда чего-то предстоит достичь, социалистическое правительство вправе никогда не предоставлять какой-либо свободы слова и печати. «Единство мысли» – какая возвышенная формулировка идей Филиппа II и инквизиции! Об этом же другой славный обожатель Советов г-н Д. Кроутер говорит без всяких экивоков. Он прямо провозглашает, что инквизиция «благотворна для науки, если она защищает восходящий класс», то есть когда к ней прибегают друзья г-на Кроутера. Сотни подобных высказываний можно было бы процитировать.

В Викторианскую эпоху Сегодня их называют «прогрессивными» и «либеральными». С другой стороны, людей, которые противостоят идеям отмены парламентского правления, упразднения свободы слова и печати и учреждения инквизиции, клеймят «реакционерами», «экономическими монархистами» и «фашистами».

Те интервенционисты, которые видят в государственном регулировании экономики метод постепенного перехода к полному социализму, по крайней мере, последовательны. Если принятые меры не приводят к ожидавшимся благим целям, а кончаются, напротив, полным провалом, они требуют ещё большего правительственного вмешательства, и так до тех пор, пока правительство не будет направлять всю хозяйственную

⁸ Sidney and Beatrice Webb, *Soviet Communism: A new Civilization?*, New York, 1936, том II, стр. 1038–1039.

⁹ D. G. Crowther, *Social Relations of Science*, London, 1941, стр. 333.

деятельность. Но те, кто смотрит на правительственное регулирование как на способ совершенствования и, следовательно, спасения капитализма, они совершенно запутались.

С точки зрения этих людей все нежелательные и нежелательные последствия правительственного вмешательства в экономическую жизнь порождены самим капитализмом. Для них тот факт, что правительственное воздействие породило нетерпимое положение дел, есть оправдание дальнейшего вмешательства. Они, например, не способны осознать, что рост монополистических структур в наше время обязан таким правительственным инициативам, как законы о патентах и таможенных пошлинах. Они оправдывают правительственное вмешательство необходимостью предотвращения монополизации. Сложно придумать более иррациональную идею. Ибо правительство, от которого они ждут борьбы с монополизмом, есть то самое правительство, которое преданно служит принципу монополии. Так американское правительство времён Нового Курса, стремилось к тотальной монополизации всех отраслей американского хозяйства через программы *NRA*, и попыталось организовать сельское хозяйство США как супермонополию, ограничить сельскохозяйственное производство, чтобы заменить низкие рыночные цены на высокие монопольные. Это правительство участвовало в различных международных соглашениях по сырью, нескрываемой целью которых было учреждение международных монополий по разным видам сырья. То же самое верно и для других правительств. Союз Советских Социалистических республик также участвовал в ряде межправительственных монополистических соглашений. Его отвращение к сотрудничеству с капиталистами было не столь сильным, чтобы отказаться от возможности расширить сферу монополизации.

Программой этого внутренне противоречивого интервенционизма является диктатура, предположительно нацеленная на освобождение людей. Но свободу эти деятели понима-

¹⁰ См. сборник этих соглашений, опубликованных *Intergovernmental Commodity Control Agreements*, Montreal, 1943.

ют, как свободу поступать «правильно», то есть делать то, что замыслено планировщиками. Мало того, что они не осознают неизбежных при этом экономических проблем и трудностей. У них к тому же отсутствует способность к логическому мышлению.

Самое нелепое оправдание интервенционизма предлагают те, кто рассматривает конфликт между капитализмом и социализмом в терминах борьбы за распределение дохода. Почему бы собственническим классам не быть более уступчивыми? Почему бы им не предоставить избыток своих доходов в пользу бедных рабочих? Почему они сопротивляются намерениям правительства поднять долю обездоленных за счёт установления минимальной заработной платы и потолка для роста цен? Почему бы им не урезать свои прибыли и процент до более «справедливого» уровня? Уступчивость в данных вопросах, говорят эти люди, ослабит позиции радикальных революционеров и сохранит капитализм. Худшими врагами капитализма, с их точки зрения, являются те непреклонные доктринёры, которые своей избыточной заботой о сохранении экономической свободы, системы *Laissez-faire* и Манчестерства срывают все попытки достижения компромисса с требованиями труда. Только несгибаемые реакционеры виновны в горечи современных партийных распрей и в порождаемой ими неумолимой ненависти. Что нужно на самом деле, так это принять конструктивную программу вместо чисто негативистских принципов экономических монархистов. И, конечно же, с их точки зрения, «конструктивно» только государственное вмешательство.

Однако, такой способ рассуждения совершенно порочен. Предполагается, что вмешательство правительства в хозяйственную жизнь приведёт к ожидаемым благим результатам. При этом постыднейше игнорируются все заявления экономистов о тщетности целей государственного регулирования и о его неизбежных и нежелательных последствиях. Вопрос не в том, справедливы или нет ставки минимальной заработной платы, но – не приведут ли они к появлению безработицы среди тех, кто ютов работать. Называя эти меры справедливыми,

интервенционисты не опровергают возражения экономистов. Они просто демонстрируют своё полное невежество в этом вопросе.

Конфликт между капитализмом и социализмом вовсе не является борьбой двух групп за то, как разделить между собой данный объём благ. Это спор о том, какой тип организации общества наилучшим образом служит благосостоянию человечества. Противники социализма отрицают его не потому, что завидуют благам, которые рабочие, предположительно, извлекают из социалистической организации производства. Они сражаются с социализмом именно из убеждения, что он будет пагубен для масс, которые обречены на то, чтобы превратиться в нищих рабов, полностью зависимых от безответственных диктаторов.

В этой борьбе идей каждый должен сделать определённый выбор. Необходимо встать либо на сторону защитников экономической свободы, либо примкнуть к адвокатам тоталитарного социализма. Этого выбора нельзя избежать на путях интервенционизма как предположительно срединной позиции. Ибо интервенционизм не является ни срединным путём, ни компромиссом между капитализмом и социализмом. Это третья система. Система, нелепость и тщетность которой признаётся не только всеми экономистами, но даже марксистами.

Не может быть «чрезмерной» защита экономической свободы. С одной стороны, производство может направляться усилиями каждого индивидуума приспособить своё поведение так, чтобы удовлетворять наиболее настоятельным потребностям потребителей и самым подходящим способом. С другой стороны, производство может направляться правительственными указами. Если эти указы будут затрагивать только отдельные детали экономического механизма, они не достигнут цели, и даже их сторонникам будет не по душе результат. Если же они приведут к всесторонней регламентации, это и будет тоталитарный социализм.

Человек должен выбрать между рыночной экономикой и социализмом. Государство может поддерживать рыночную

экономику, защищая жизнь, здоровье и частную собственность от насилия и мошенничества. Либо оно может взять на себя контроль за всей хозяйственной деятельностью. Кто-то должен определять цели производства. Если это не будут делать потребители посредством спроса и предложения, это придётся делать правительству методами принуждения.

III. Социализм и коммунизм

В работах Маркса и Энгельса термины коммунизм и социализм являются синонимами. Они используются по очереди и между ними не делается различия. Так это и сохранялось в практике всех марксистских групп и сект вплоть до 1917 года. Марксистские политические партии, которые относились к *Коммунистическому манифесту*, как к неперемennomу евангелию своей веры, называли себя партиями социалистическими. Наиболее влиятельная и многочисленная из этих партий – Германская – приняла имя Социал-демократической партии. В Италии, во Франции и во всех других странах, где марксистские партии уже играли некую политическую роль до 1917 года, термин *социалистический* был взаимозаменим с термином *коммунистический*. Ни одному марксисту до 1917 года и в голову не приходило отделять коммунизм от социализма.

В 1875 году в критике Готской программы Германской социал-демократической партии Маркс ввёл различие между низшей (начальной) и высшей (зрелой) фазами будущего коммунистического общества. Но он не выделил «коммунизм» как исключительно высшую фазу и не называл низшую фазу «социализмом».

Одной из фундаментальных догм Маркса был тезис, что социализм настанет «с неотвратимостью закона природы». Капиталистическое производство отрицает самое себя и создаёт социалистическую систему общественной собственности на средства производства. «Капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса своё собственное отрицание».¹¹ Он не зависит от воли людей.¹²

¹¹ Marx, *Das Kapital*, 7 Aufl. Hamburg, 1914, Bdl., стр. 728.

¹² Marx, *Zur Kritik der politischen Oekonomie*, Stuttgart, стр. XI.

Человек не может ни ускорить его, ни замедлить, ни отменить. Ибо «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она даёт достаточно простора, а новые, более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества».

Эта доктрина, конечно же, не согласуется с политической активностью самого Маркса и с идеями, которыми он оправдывал эту свою активность. Маркс пытался создать политическую партию, которая бы с помощью революции и гражданской войны завершила переход от капитализма к социализму. Характерной – в глазах Маркса и всех марксистских доктринёров – чертой их партий была их революционность, бескомпромиссная преданность идее насилия. Целью было поднять восстание, установить диктатуру пролетариата и безжалостно уничтожить всех буржуа. Действия Парижской коммуны в 1871 году рассматривались как превосходная модель такой гражданской войны. Парижское восстание, конечно, огорчительно провалилось. Но ожидалось, что последующие бунты будут успешными.

Однако тактика марксистских партий в различных европейских странах безнадежно не совпадала ни с одним из этих противоречивых направлений в учении Карла Маркса. Они не верили в неизбежность прихода социализма. Не верили они и в успех революционного восстания. Они приняли методы парламентаризма. Они набирали голоса на выборах и посылали депутатов в парламент. Они «выродились» в демократические партии. В парламентах они вели себя подобно другим партиям оппозиции. В некоторых странах они заключали временные союзы с другими партиями, и порой социалисты попадали в Кабинет министров. Позже, после конца первой мировой войны, социалистические партии во многих парламентах заняли

¹³ Там же, стр. XII.

¹⁴ См. Marx, Marx, *Der Bürgerkrieg in Frankreich*, ed. Pfemfert (Berlin, 1919).

господствующее положение. В некоторых странах им одним принадлежала власть, в других – они правили в коалиции с буржуазными партиями.

Конечно, эти одомашненные социалисты до 1917 года не прекращали лицемерного восхваления принципов ортодоксального марксизма. Опять и опять они повторяли, что приход социализма неизбежен. Они подчёркивали традиционную революционность своих партий. Нельзя было оскорбить их сильнее, чем сомнением в неумолимой революционности их духа. Но фактически они были парламентскими партиями, подобными всем другим партиям.

С истинно марксистской точки зрения, выраженной в поздних писаниях Маркса и Энгельса (появившихся после «Коммунистического манифеста»), все меры по ограничению, регулированию или улучшению капитализма суть просто «мелкобуржуазная» чепуха, порождаемая непониманием законов эволюции капитализма. Только полная зрелость капитализма ведёт за собой социализм. Не только тщетность, но и пагубность для интересов пролетариев в попытке такой политики. Даже тред-юнионизм – не адекватный способ улучшения положения рабочих.¹⁵ Маркс не верил, что правительственное вмешательство может оказаться полезным массам. Он яростно отрицал, что такие меры, как минимальная заработная плата, установление предельных цен, ограничение величины процента, социальное страхование и т.п. являются подступами к социализму. Он стремился к радикальному устранению системы заработной платы, что может быть достигнуто только в высшей фазе коммунизма. Он бы саркастически высмеял идею, что труд может перестать быть товаром в рамках капиталистического общества благодаря совершенным законам.

Но социалистические партии Европы были не меньше преданы идеям интервенционизма, чем *Sozialpolitik* кайзеровской Германии или американский *Новый курс*. Именно эту политику атаковали Жорж Сорель и синдикалисты. Сорель, застенчивый интеллектуал из буржуазной семьи, обличал «вы-

¹⁵ Marx, *Value, Price and Profit*, ed. by Eleonor Marx-Eveling, New York, 1907, стр. 72–74.

рождение» социалистических партий, виной чему он считал проникновение в них буржуазных интеллигентов. Он мечтал о возрождении традиционного для масс духа безжалостной агрессии, об очищении его от сдерживающего влияния интеллектуальных трусов. Для Сореля имел значение только бунт. Он призывал к прямому действию, то есть к саботажу и общей стачке как начальным шагам в последней великой революции.

Сорель имел успех большей частью у снобистских и праздных интеллектуалов и не менее снобистских и праздных наследников богатых предпринимателей. Он не оказал заметного воздействия на массы. Для марксистских партий его страстная критика была не более чем досадной помехой. Его историческая роль определяется большей частью воздействием его идей на эволюцию русского большевизма и итальянского фашизма.

Чтобы понять ментальность большевизма, следует вернуться ещё раз к догмам Карла Маркса. Маркс был совершенно убеждён, что капитализм является стадией всеобщей экономической истории, которая не ограничена только несколькими развитыми странами. Капитализм нацелен на обращение всех частей мира в капиталистические страны. Буржуазия принуждает все страны превратиться в капиталистические страны. Когда пробьёт последний час капитализма, весь мир однообразно будет находиться на стадии зрелого капитализма, созревший для перехода к социализму. Социализм возникнет одновременно во всех частях мира.

Это утверждение Маркса оказалось ошибочным ничуть не менее, чем все остальные его утверждения. Нынче даже марксисты не могут отрицать и не отрицают, что черты капитализма в разных странах поразительно разнообразны. Они осознают, что многие страны, с точки зрения Марксового понимания истории, должны быть описаны как докапиталистические. В этих странах буржуазия ещё не занимает господствующих позиций и ещё не утвердила ту историческую стадию капитализма, которая является необходимой предпосылкой появления социализма. Этим странам надлежит ещё завершить

«буржуазные революции», а затем пройти все стадии капитализма, прежде чем можно будет поставить вопрос об их превращении в социалистические страны. Единственная политика, которую марксисты могут одобрить по отношению к таким странам, это безусловная поддержка буржуазии, во-первых, в её стремлении к власти, а во-вторых, в её капиталистических начинаниях. В течение долгого времени марксистская партия может не иметь других задач, кроме как быть подручной буржуазного либерализма. Только эту миссию последовательный исторический материализм мог предписать русским марксистам. Им следовало бы тихохонько ждать, пока капитализм не подготовит страну к приятию социализма.

Но русские марксисты не желали ждать. Они обратились к новой модификации марксизма, согласно которой нации могут перескакивать через стадии исторической эволюции. Они закрыли глаза на тот факт, что эта новая доктрина была не модификацией марксизма, но, скорее, отрицанием всего того, что ещё от него оставалось. Это был нескрываемый возврат к домарксистским и антимарксистским социалистическим учениям, согласно которым человечество вольно утвердить социализм в любое время, как только сочтёт, что эта система благоприятней капитализма. Тем самым был практически взорван весь мистицизм, присущий диалектическому материализму и марксовым непреложным законам экономической эволюции человечества.

Освободившись от марксистского детерминизма, русские марксисты получили возможность выбрать наиболее подходящую тактику для построения социализма в своей стране. Их больше не беспокоили экономические проблемы. Они отбросили заботу о том, пришло ли время или нет. Перед ними осталась лишь одна задача – захватить власть.

Одна группа утверждала, что устойчивый успех возможен только при массовой поддержке, хотя завоёвывать большинство и не обязательно. Другая группа не одобрила такой длительной процедуры. Они предлагали решить дело смелым натиском. Малую группу фанатиков нужно организовать как

авангард революции. Строгая дисциплина и безусловное подчинение вождю сделают эту группу пригодной для внезапной атаки. Они опрокинут царское правительство, а затем станут править страной традиционными методами царской полиции.

Имена этих двух групп – меньшевики и большевики – были даны по результатам голосования в 1903 году при обсуждении тактических вопросов. Отношение к тактическим приёмам было единственным различием между двумя группами. Обе они были согласны относительно конечной цели – социализма.

Обе секты пытались оправдать свои подходы обильным цитированием писаний Маркса и Энгельса. Это, конечно, марксистский обычай. И каждая секта находила в этих «священных книгах» высказывания, подтверждающие её собственные позиции.

Ленин, глава большевиков, знал своих соотечественников куда лучше, чем его противники и их вождь Плеханов. В отличие от Плеханова, он не стал ошибочно приписывать русским качества западных народов. Он помнил, как дважды иностранки просто захватывали престол и затем спокойно царили до конца дней своих. Он хорошо сознавал, что террористические методы царской тайной полиции весьма успешны, и верил, что способен существенно улучшить эти методы. Он был безжалостным диктатором и знал, что у русских не хватит мужества сопротивляться силе. Подобно Кромвелю, Робеспьеру и Наполеону он был честолюбивым узурпатором и совершенно не верил в революционный дух большинства населения. Династия Романовых была обречена из-за слабоволия незадачливого Николая II. Социалистический законник Керенский проиграл из-за приверженности принципам парламентаризма. Ленин преуспел, потому что никогда не стремился ни к чему, кроме личной диктатуры. А русские томились по диктатору – наследнику Ивана Грозного.

Вовсе не революционное восстание прервало правление Николая II. Оно испустило дух на полях сражений. С наставшим безвластием Керенский не смог совладать. Уличные вол-

нения в Санкт-Петербурге смели Керенского. Спустя недолгое время наступило 18-е брюмера Ленина. Несмотря на весь большевистский террор, в Учредительном собрании, избранном на основе всеобщего прямого голосования, большевиков было не более 20 процентов. Ленин силой оружия разогнал Учредительное собрание. Краткосрочная «либеральная» интерлюдия закончилась. Из рук неспособных Романовых Россия перешла под власть настоящих авторитаристов.

Ленину было мало завоевания России. Он был вполне убеждён, что ему суждено принести благодать социализма не только России, но и всем другим народам официальное название, которое он выбрал для своего правления, – Союз Советских Социалистических Республик – не содержало никаких намёков на Россию. Оно было создано, как зародыш мирового правительства. Предполагалось, что все иностранные товарищи обязаны повиноваться этому правительству, а вся иностранная буржуазия в случае сопротивления виновна в измене и подлежит казни. Ленин ни в малейшей степени не сомневался, что все страны Запада – на грани великой последней революции. Он со дня на день ожидал её.

По мнению Ленина, только одна группа в Европе могла – хотя без надежды на победу – попытаться предотвратить революционный взрыв: развращённые интеллигенты, захватившие руководство социалистическими партиями. Ленин издавна ненавидел этих людей за приверженность парламентским процедурам и за то, что они стояли на пути его диктаторских поползновений. Он ненавидел их, поскольку только на них взваливал вину за то, что социалистические партии поддерживали военные усилия своих стран. Уже во времена швейцарской эмиграции, которая закончилась в 1917 году, Ленин начал раскалывать социалистические партии Европы. Теперь он основал новый. Третий Интернационал, который им контролировался столь же своевластно, как большевистская партия. Для этой новой партии Ленин выбрал имя *Коммунистическая партия*. *Коммунистам предстояло сокрушить социалистические партии Европы, этих «социал-предателей», и тем самым*

подготовить немедленное уничтожение буржуазии и захват власти вооружёнными рабочими. Ленин не делал различия между социализмом и коммунизмом как социальными системами. Его целью не был коммунизм как противоположность социализма. Официальное имя страны было Союз Советских Социалистических (не коммунистических) республик. В этом плане он не собирался менять традиционную терминологию, в которой оба термина были синонимами. Он назвал своих последователей, единственных искренних и надёжных защитников революционных принципов ортодоксального марксизма, *коммунистами*, а их тактику – *коммунистической*, дабы отличить их от «вероломных выкормышей капиталистических эксплуататоров», продажных лидеров Социал-демократии вроде Каутского и Альбера Тома. Эти предатели, подчёркивал он, стремились к сохранению капитализма. Они не были истинными социалистами. Единственными подлинными марксистами оказались те, кто отверг имя социалистов, ставшее навеки позорным.

Так возникло различие между коммунистами и социалистами. Те марксисты, которые не подчинились Московскому диктату, называли себя социал-демократами, или социалистами. Для них было характерно убеждение, что наилучшим способом перехода к социализму, – конечная цель, роднившая их с коммунистами – было завоевание поддержки большинства населения. Они отбросили революционную риторику и обратились к демократическим методам борьбы за власть. Их не заботила проблема: совместим ли социализм с демократией. Но ради перехода к социализму они были готовы ограничить себя демократическими методами.

Коммунисты, напротив, в первые годы Коминтерна были твёрдыми приверженцами принципа революции и гражданской войны. Послушные только своему русскому вождю, они выбрасывали из своих рядов каждого заподозренного в том, что для него законы страны важнее, чем приказы партии. Кровавые мятежи и заговоры – такова была их жизнь.

Ленин не мог понять, почему коммунисты потерпели не-

удачу всюду, кроме России. Он не ожидал многого от американских рабочих. Коммунисты понимали, что в США рабочим недоставало революционного духа, поскольку их развратило благополучие и испортила погоня за деньгами. Но Ленин не сомневался в классовой сознательности и приверженности революционным идеалам европейских масс Единственной причиной провала революций были, по его мнению, трусость и ошибки коммунистических руководителей. Вновь и вновь он менял своих наместников, но дела лучше не стали.

В демократических странах коммунисты мало-помалу «выродились» в парламентские партии. Подобно старым социалистическим партиям до 1914 года, они продолжали ханжески славословить революционные идеалы. Но революционный дух могущественнее проявляет себя в салонах наследников больших состояний, чем в скромных домишках рабочих. В англо-саксонских и латиноамериканских странах социалистические избиратели верили в демократические методы. Здесь число искренних приверженцев коммунистической революции было очень небольшим. Большинство тех, кто публично клянется в верности идеалам коммунизма, почувствовали бы себя крайне неуютно в случае, если бы революционный взрыв поставил под угрозу их жизнь и собственность. В случае вторжения русских армий или успешного восстания местных коммунистов, они бы присоединились к победителям в надежде на то, что верность марксистской ортодоксии будет вознаграждена. Но сами по себе они не гнались за революционными лаврами.

Ведь это факт, что за все тридцать лет страстной просоветской агитации ни одна страна за пределами России не стала коммунистической с согласия собственных граждан. Восточная Европа стала коммунистической, только когда дипломаты сговорились обратить эти страны в зону исключительного влияния и гегемонии России. Крайне маловероятно, что Западная Германия, Франция, Италия и Испания подпадут коммунизму, если только США и Британия не примут политику абсолютного дипломатического *desinteressement*. В этих и ряде

других стран некоторую силу коммунистическим движениям даёт только вера в безудержный «динамизм» России, контрастный безразличию и апатии англосаксонских стран.

Маркс и марксисты прискорбно ошибались, предполагая, что массы стремятся к революционному перевороту «буржуазных» основ общества. Воинственные коммунисты обретаются только среди тех, для кого коммунизм уже сейчас служит источником средств к жизни и кто ожидает от революции удовлетворения своих честолюбивых притязаний. Разрушительная возня этих профессиональных заговорщиков опасна как раз в меру наивности тех, кто просто флиртует с революционной идеей. Эти заблуждающиеся и запутавшиеся доброжелатели, которые называют себя «либералами» и которых коммунисты зовут «полезные простаки», «попутчики», и даже большинство зарегистрированных членов партии, были бы жутко испуганы, узнав однажды, что их вожди всерьёз и буквально зовут к мятежу, но тогда отвратить беду будет поздно.

В данный момент коммунистические партии Запада опасны, прежде всего, своими позициями по внешней политике. Отличительной чертой всех современных компартий является их поддержка агрессивной иностранной политики Советов. В чём бы им ни приходилось выбирать: между интересами России или собственной страны, – они без колебаний предпочитают интересы России. Их принцип: права или нет, это моя Россия. Они строго выполняют все приказы Москвы. Когда Россия была союзницей Гитлера, французские коммунисты саботировали оборонные усилия собственной страны, а коммунисты Америки страстно противостояли планам поддержки демократии в борьбе против нацистов, выдвинутым президентом Рузвельтом. Коммунисты всего мира заклеили тех, кто защищался от гитлеровского вторжения, как «империалистических поджигателей войны». Но как только Гитлер напал на Россию, империалистическая война капиталистов в одну ночь превратилась в справедливую оборонительную войну. Какую бы страну ни захватывал Сталин, коммунисты оправдывали эту агрессию необходимостью обороны от «фашиз-

ма».

В своём слепом обожании всего русского коммунисты Западной Европы и Соединённых Штатов далеко превзошли худшие выходки шовинистов. Они исходят восторгом от русской музыки, русских фильмов и предполагаемых достижений русской науки. Они с упоением говорят об экономических достижениях Советов. Они приписывают все победы союзников доблести русского оружия. Россия, утверждают они, спасла мир от фашистской угрозы. Россия – единственная свободная страна, в то время как все остальные томятся под диктатом капиталистов. Только русские счастливы и могут наслаждаться полнотой жизни, а в капиталистических странах большинство населения страдает от подавленности и неисполнимости желаний. Как благочестивый мусульманин стремится совершить путешествие к могиле пророка в Мекку, так коммунисты-интеллектуалы полагают путешествие к святыням Москвы основным событием своей жизни.

Однако различное употребление слов «коммунисты» и «социалисты» никак не влияет на содержание терминов «Коммунизма» и «Социализма» в значении общей для этих движений конечной цели. Только в 1928 году конгресс Коминтерна в Москве¹⁶ принял программу, в которой различались коммунизм и социализм (а не просто коммунисты и социалисты).

Согласно этой новой доктрине в экономической эволюции человечества между стадиями капитализма и коммунизма возникла третья стадия – социализм. Социализм – это общественная система, основанная на общественной собственности на средства производства и управлении всеми процессами производства и распределения со стороны центральных плановых органов. В этом отношении эта система не отличима от коммунизма. Но она отличается от коммунизма в том, что ещё не достигнуто полное равенство в потреблении. «Товарищи» всё ещё получают заработную плату, и ставки заработной платы различаются согласно экономической значимости тру-

¹⁶ *Blueprint for World Conquest as Outlined by the Communist International*, Human Events, Washington and Chicago, 1946, стр. 181–182.

да, как её определяют центральные власти ради достижения наивысшей производительности труда. То, что Сталин назвал социализмом, в целом соответствует марксовой концепции «начальной стадии» коммунизма. Сталин сохранил название коммунизма только для того, чтобы Маркс называл «высшей стадией» коммунизма. В том смысле, как Сталин использовал этот термин, социализм движется к коммунизму, но ещё не является им. Социализм обернётся коммунизмом, как только прирост благосостояния, ожидаемый от действия социалистических методов производства, поднимет беднейшие слои России до уровня, которым уже сейчас наслаждаются выдающиеся обладатели важнейших должностей.¹⁷

Апологетический характер этой новой терминологии очевиден. Сталин счёл необходимым объяснить большинству сограждан, почему их жизнь всё ещё так скудна, намного хуже, чем на Западе, и даже беднее, чем жили русские рабочие во времена царизма. Он хотел оправдать неравенство доходов; то, что малая группа руководителей наслаждается всеми благами современного комфорта, что другая группа, – более многочисленная, чем первая, но менее обширная, чем средний класс в императорской России, – живёт в «буржуазном» стиле, тогда как массы, нагие и босые, влачат полуголодную жизнь в трущобах. Он был просто вынужден прийти к такому идеологическому манёвру.

Трудности Сталина были острее потому, что русские коммунисты в начале своего правления провозгласили, что равенство доходов должно быть обеспечено с первого мига пролетарской власти. Более того, в капиталистических странах подкармливаемые Россией компартии использовали очень действенный демагогический трюк – возбуждали зависть к группам с высокими доходами. Основной аргумент коммунистов в доказательство того, что гитлеровский национал-социализм не настоящий социализм, но, напротив, худшая разновидность капитализма, состоял в том, что в нацистской Германии сохранялось неравенство в уровне жизни.

¹⁷ David J. Dallin, *The Real Soviet Russia*, Yale University Press, 1944, стр. 88–95.

Введённое Сталиным различие между социализмом и коммунизмом открыто противоречило не только политике Ленина, но и принципам коммунистической пропаганды за пределами России. Но такие противоречия легко не замечаются в царстве Советов. Слово диктатора – высший авторитет, и нет таких дураков, чтобы изображать оппозицию.

Важно осознать, что семантические новации Сталина касались только терминов *социализм* и *коммунизм*. Он не затронул значения понятий социалист и коммунист. Большевистская партия как и прежде именуется коммунистической. Русофильские партии в других странах называют себя коммунистическими и яростно борются с социалистическими партиями, которые в их глазах являются просто социал-предателями. При этом официальное название Союза Советских *Социалистических Республик* остаётся неизменным.

IV. Агрессивность России

Германские, итальянские и японские националисты оправдывали агрессивность своей политики недостатком *Lebensraum*. Их страны сравнительно перенаселены. Они бедны природными ресурсами и зависят от импорта продовольствия и сырья из-за рубежа. Они должны экспортировать продукты перерабатывающей промышленности, чтобы оплатить жизненно необходимый импорт. Но протекционистская политика стран, в избытке производящих продовольствие и сырьё, закрывает границы перед ввозом готовых товаров. Мир явно стремится к состоянию полной экономической автаркии каждой из стран. Какова судьба стран, которые не в силах ни пропитать, ни одеть своих граждан на основе только внутренних ресурсов?

Доктрина *Lebensraum*, созданная «обделёнными» народами, подчёркивает, что в Америке и Австралии пустуют миллионы акров земли более плодородной, чем истощённые земли, которые вынуждены обрабатывать крестьяне обездоленных стран. Природные условия для добычи и переработки сырьевых ресурсов здесь также намного благоприятней, чем в обездоленных странах. Но крестьяне и рабочие Германии, Италии или Японии не имеют доступа к этим благословенным ресурсам. Иммиграционные законы сравнительно малонаселённых стран препятствуют иммиграции. Эти законы увеличивают предельную производительность труда и, следовательно, увеличивают заработную плату в малонаселённых странах и понижают их же в перенаселённых странах. Высокий уровень жизни в Соединённых Штатах и Британских Доминионах оплачен понижением уровня жизни в перенаселённых странах Европы и Азии.

Настоящие агрессоры – говорят националисты Германии, Италии и Японии – это те страны, которые посредством торговых и иммиграционных барьеров присвоили себе львиную долю природных богатств земли. Разве сам Папа Римский не провозгласил, что коренной причиной мировых войн является «этот холодный и расчётливый эгоизм, который норовит завладеть экономическими ресурсами и материалами, предназначенными для общего блага, в такой степени, что страны, менее взысканные природой, вовсе не получают доступа к ним».¹⁸ Война, начатая Гитлером, Муссолини и Хирохито является, с этой точки зрения, справедливой войной, ибо её единственной целью было дать обделённым нациям то, что в силу щедрости природы и божественной справедливости и так принадлежит им.

Русские не могут оправдывать свою агрессивную политику такими аргументами. Россия является сравнительно малонаселённой страной. Её почвы от природы много лучше, чем в других странах. В ней существуют наилучшие условия для возделывания всех видов зёрна, фруктов и овощей. России принадлежат гигантские пастбища и почти неистощимые леса. Ей принадлежат богатейшие залежи золотых, серебряных, платиновых, медных, железных, никелевых и всех прочих руд, а также громадные запасы нефти и угля. Если бы не деспотизм царей и не плачевная неадекватность коммунистической системы, её население давно могло бы наслаждаться самым высоким уровнем жизни. Безусловно, вовсе не нужда в естественных ресурсах толкает Россию к завоеваниям.

Агрессивность Ленина была порождена его убеждённо-стью, что он является вождём окончательной мировой революции. Он видел в себе законного наследника Первого Интернационала, которому суждено выполнить задачу, не удавшуюся Марксу и Энгельсу. Он полагал, что для ускорения прихода революции ему ничего делать не нужно. Над капитализмом уже прозвучал похоронный колокол, и никакие махинации не могут отдалить момента экспроприации экспроприаторов. Ну-

¹⁸ *Christmas Eve Broadcast*, New York Times, December 25, 1941.

жен только диктатор для нового мирового порядка. Ленин был готов взвалить это бремя на свои плечи.

Со времён Монгольского нашествия человечество не сталкивалось с таким неумолимым и бескомпромиссным притязанием на неограниченное мировое первенство. В каждой стране русские эмиссары и коммунистическая пятая колонна фанатически трудилась во имя *Anschluss* к России. Но у Ленина не было первых четырёх колонн. Военные силы России были в тот момент ничтожны. Когда они вышли за границы России, то были остановлены поляками. Дальше на Запад идти они не могли. Великая кампания по завоеванию мира захлебнулась.

Обсуждение того, возможен или желателен коммунизм в одной стране, было пустым делом. Коммунисты потерпели поражение везде за пределами России. Они были принуждены оставаться дома.

Сталин посвятил всю свою энергию организации постоянной армии невиданного миром размера. Но он был не более удачлив, чем Ленин и Троцкий. Нацисты легко разбили эту армию и оккупировали важнейшие части территории России. Россию спасли британские и, в первую очередь, американские силы. Американские поставки позволили русским преследовать немцев по пятам, когда скудость вооружений и угроза американского вторжения вынудили их отступить из России. Они смогли даже громить арьергарды отступающих нацистов. Они смогли захватить Берлин и Вену, когда американская авиация разрушила немецкую оборону. Когда американцы сокрушили японцев, русские смогли спокойно нанести им удар в спину.

Конечно, коммунисты внутри и за пределами России, также как и попутчики, страстно доказывали, что именно Россия нанесла поражение нацистам и освободила Европу. Они обходят молчанием тот факт, что единственной причиной, которая не дала немцам взять Сталинград, был недостаток снаряжения, самолётов и бензина. Блокада не позволила нацистам снабдить армию должным образом и соорудить в оккупированной России транспортную сеть для доставки снаряжения на отдалённые фронты. Решающим сражением войны была битва за

Атлантику. Великими стратегическими событиями войны с Германией были завоевание Африки и Сицилии, и победа в Нормандии. Сталинград, если мерить гигантскими масштабами этой войны, был едва ли больше, чем тактическим успехом. В сражениях с итальянцами и японцами участие России было нулевым.

Но все плоды победы достались одной России. В то время как другие союзники не стремятся к территориальным приращениям, русские развернулись во всю. Они аннексировали три Балтийских республики, Бессарабию, Карпатскую Русь – область Чехословакии¹⁹, часть Финляндии, большую часть Польши и значительные территории на Дальнем Востоке. Они претендуют на то, что остальная часть Польши, Румыния, Венгрия, Югославия, Болгария, Корея и Китай являются исключительной сферой их влияния. Они лихорадочно создают в этих странах «дружественные», то есть марионеточные правительства. Если бы не противодействие Соединённых Штатов и Великобритании, они бы господствовали сегодня во всей континентальной Европе, континентальной Азии и Северной Африке. Только американские и британские гарнизоны в Германии отрезали русским путь к берегам Атлантики.

Сегодня, как и после первой мировой войны, реальной угрозой для Запада является вовсе не военная мощь России. Великобритания может легко отразить атаку русских, а начать войну против Соединённых Штатов было бы для русских чистым безумием. Не русские армии, но коммунистическая идеология угрожает Западу. Русские хорошо это знают и делают ставку не на собственную армию, а на своих иностранных сподвижников. Они хотят опрокинуть демократию изнутри, а не извне. Их основное оружие – прорусские махинации Пятой колонны. Вот первоклассные дивизии большевизма.

Коммунистические писатели и политики в России и в других странах объясняют агрессивную политику России необходимостью в самозащите. Не Россия планирует нападение, – го-

¹⁹ Аннексия Карпатской Руси выставляет в истинном свете их лицемерное сожаление о Мюнхенском соглашении 1938 года.

ворят они, – но, напротив, загнивающие капиталистические демократии. Россия хочет просто оградить свою собственную независимость. Это старый, испытанный метод оправдания агрессии. Людовик XIV и Наполеон I, Вильгельм II и Гитлер были самыми горячими сторонниками мира. Когда они вторгались в другие страны, то только для справедливой самозащиты. Эстония или Литва угрожали России не меньше, чем Люксембург или Дания – Германии.

Порождением этой басни о самозащите является легенда о *cordon sanitaire*. Политическая независимость малых соседей России, утверждает эта легенда, это просто временная капиталистическая уловка, чтобы защитить европейские демократии от заражения ростками коммунизма. Следовательно, делается вывод, эти малые страны утратили своё право на независимость. Ибо Россия имеет неотъемлемое право требовать, чтобы её соседи – а также и соседи её соседей – управлялись бы только «дружественными», то есть непосредственно коммунистическими правительствами. Что случилось бы с миром, если бы все великие державы имели подобные претензии?

Истина в том, что вовсе не правительства демократических стран стремятся низвергнуть существующую в России систему. Они не вскармливают продемократическую Пятую Колонну в России, и они не подстрекают население России против их правителей. Это русские неустанно, день и ночь, возбуждают недовольство во всех странах. Их Третий Интернационал открыто пытался возбудить коммунистические революции по всему миру.

Весьма слабое и неуверенное вмешательство союзников в гражданскую войну в России не было прокапиталистическим и антикоммунистическим походом. Для союзников, сражавшихся не на жизнь, а на смерть с Германией, Ленин был тогда просто орудием их заклятого врага. Людендорф отправил Ленина в Россию, чтобы сбросить режим Керенского и обеспечить выход России из войны. Силой оружия большевики задавили всех тех русских, кто желал сохранения союза с Францией, Великобританией, Соединёнными Штатами и другими демократиче-

скими странами. С военной точки зрения Запад просто не мог оставаться нейтральным, когда их русские союзники отчаянно оборонялись от большевиков. Для союзников ставкой был Восточный фронт. «Белыми» генералами двигали внутренние проблемы страны.

Как только в 1918 году война с Германией закончилась, союзники утратили интерес к русским делам. Нужды в Восточном фронте больше не было. Они ни в малейшей степени не заботились о внутренних проблемах самой России. Они стремились к миру и спешили выйти из схватки. Конечно, они были встревожены, поскольку не знали, как выпутаться пристойно. Их генералам было стыдно бросать своих товарищей по оружию, которые сделали всё, что могли, во имя общей цели. Оставить этих людей в беде было бы ни чем иным, как трусостью и дезертирством. Такого рода соображения воинской чести заставили отложить на некоторое время вывод незначительных союзнических отрядов и прекращение снабжения белых частей. Когда всё было выполнено, государственные деятели союзников почувствовали облегчение. Отныне они приняли политику строгого нейтралитета по отношению к русским делам.

Крайняя незадача, конечно, что союзников волей-неволей затянуло в события русской гражданской войны. Было бы много лучше, если бы военная ситуация 1917–1918 годов не принудила их вмешаться. Но не следует упускать из виду того, что отказ от интервенции в России был равнозначен провалу политики президента Вильсона. Соединённые Штаты вступили в войну, чтобы сделать «мир обителью демократии». В результате победы союзников в Германии на смену сравнительно мягкому и умеренно авторитарному императорскому режиму пришло республиканское правительство. С другой стороны, в России возникла диктатура, в сравнении с которой царский деспотизм мог быть назван либеральным. Но союзники не стремились сделать Россию обителью демократии, как в случае Германии. И это при том, что императорская Германия имела парламент, министров, ответственных перед парламентом, суд присяжных, свободы мысли, религии и печати, ограниченные

не многим больше, чем в других странах Запада, и иные демократические установления. А в Советской России утвердился неприкрытый деспотизм.

Американцы, французы и британцы не догадались взглянуть на события под этим углом (в отличие от антидемократических сил в Германии, Италии, Польше, Венгрии и на Балканах). Националисты этих стран поняли невмешательство союзников в русские дела как доказательство того, что их преданность демократии – чистая показуха. Союзники – по их логике – воевали с Германией потому, что завидовали её экономическому процветанию, а в России деспотизм допустили потому, что не боялись экономической мощи России. Демократия, – приходили к выводу националисты, – не что иное, как ширма для простаков. Распространился страх, что эмоциональная привлекательность этого лозунга однажды будет использована против их собственной независимости.

После прекращения интервенции у России не осталось никаких причин для страха перед странами Запада. Не боялись Советы и нацистской агрессии. Противоположные утверждения, очень популярные в Западной Европе и Америке, имели причиной полное непонимание того, что происходило в Германии. Но русские знали и Германию и нацистов. Они прочитали «*Mein Kampf*». Они усвоили из этой книги не только, что Гитлер зарится на Украину, но также и то, что его основная стратегическая идея состоит в том, чтобы приступить к покорению России только после окончательного разгрома Франции. Русские были уверены, что выраженные в *Mein Kampf* расчёты Гитлера на нейтралитет Великобритании и США при разгроме Франции – чепуха. Для них было очевидным, что новая мировая война, при которой они сами рассчитывали остаться в нейтралитете, приведёт к новому поражению Германии. А это поражение, легко понять, сделает Германию, – если не всю Европу, – открытой для большевизма. Руководствуясь таким пониманием, Сталин уже в период Веймарской республики помогал тогда ещё тайному перевооружению Германии. Немецкие коммунисты, как могли, помогали нацистам подорвать Веймарский режим.

Наконец, в 1939 году Сталин стал прямым союзником Гитлера, чтобы развязать ему руки на Западе.

Чего Сталин, – как и все остальные, – не предвидел, это потрясающий успех армий Германии в 1940 году. Гитлер напал на Россию в 1941 году, поскольку был совершенно убеждён, что не только Франция, но и Великобритания выведены из строя, и что Соединённые Штаты, которым с тылу угрожает Япония, не смогут оказать большого воздействия на европейские дела.

Распад Габсбургской империи в 1918 году и поражение нацистов в 1945 году распахнули перед Россией ворота в Европу. Сегодня Россия является единственной военной силой в Европе. Но почему русские так ориентированы на завоевания и присоединения? Они не нуждаются ни в каких дополнительных ресурсах. Вряд ли Сталин стремится с помощью завоеваний увеличить свою популярность в народе. Его не заботит воинская слава.

Агрессивная политика Сталина рассчитана не на массы, а на интеллектуалов. Ибо на кону – их марксистская ортодоксальность, действительная основа мощи Советов.

Эти русские интеллектуалы оказались достаточно недалёкими, чтобы принять модификации марксизма и, тем самым, фактически отвергнуть сущность диалектического материализма, предупреждавшего, что эти модификации спровоцируют вспышку русского шовинизма. Они приняли доктрину, согласно которой их святая Русь может перескочить через одну из описанных Марксом неперенных ступеней экономической эволюции. Они гордились тем, что являются авангардом пролетариата и мировой революции, которая, позволив построить социализм в одной отдельно взятой стране, создала славный пример для всего мира. Но невозможно объяснить им, почему остальные народы, в конце концов, не идут за Россией. В работах Маркса и Энгельса, которые уже нельзя изъять из обращения, можно прочесть, что основатели марксизма считали Великобританию и Францию, и даже Германию, странами наиболее развитой цивилизации и капитализма. Студенты марксистских университетов могли быть туповаты, чтобы разобраться в фи-

лософских и экономических основах марксова завета. Но они были вполне сообразительны, чтобы понять, что Маркс считал Россию страной менее развитой, чем страны Запада.

Неизбежен у изучающих экономическую политику и статистику вопрос – почему в капиталистических странах уровень жизни народа намного выше? Как это возможно? Почему жизненные условия намного благоприятней в США, которые хотя и самая развитая из капиталистических стран, но – такая отсталая страна в деле пробуждения классового сознания пролетариата?

Выводы из этих фактов кажутся неизбежными. Если наиболее развитые страны не приемлют коммунизма и вполне процветают при капитализме, если распространение коммунизма ограничено странами, которые Маркс считал отсталыми, и которые с тех пор не разбогатели – не следует ли понимать так, что коммунизм сопутствует отсталости и ведёт к общей нищете? Не следует ли патриоту России устыдиться того факта, что его страна принадлежит к этой системе?

Такие мысли очень опасны в деспотической стране. Тот, кто позволил бы себе высказать их, был бы безжалостно ликвидирован ГПУ. Но даже невысказанные, они крутятся на кончике языка каждого интеллигента. Они тревожат сон высокопоставленных чиновников и, может быть, даже самого великого диктатора. У него, конечно, достанет власти сокрушить каждого противника. Но ведь неразумно уничтожить всех рассудительных людей и оставить у власти в стране только тупых болванов.

Таков реальный кризис русского марксизма. Каждый прошедший день, в который не случилось мировой революции, углубляет его. Советы обязаны завоевать мир, либо им в собственной стране угрожает измена интеллигенции. Обеспеченность идеологическим состоянием лучших мозгов России толкает сталинскую Россию к неуклонной агрессии.

V. Троцкистская ересь

Принятая русскими большевиками, итальянскими фашистами и германскими нацистами концепция диктаторской власти неявно предполагает, что не может быть споров о том, кто именно будет диктатором. Мистические силы, определяющие ход исторических событий, выделяют провиденциального лидера. Все достойные люди не могут не склониться перед несомненным выбором истории и преклонят колени перед тронем избранника судьбы. Кто поступит иначе – еретик и презренный негодяй, подлежащий «ликвидации».

На самом деле диктаторская власть достаётся тому из кандидатов, кто сумел вовремя устранить всех своих соперников и их людей. Диктатор, прокладывая путь к верховной власти, вырезает всех конкурентов. Он защищает свои позиции власти, исключая всех тех, кто способен оспорить её. История восточных деспотий свидетельствует об этом также, как и современная история.

Когда в 1924 году умер Ленин, Сталин вытеснил наиболее опасного из своих соперников – Троцкого. Троцкий покинул страну, провёл несколько лет в скитаниях по разным странам Европы, Азии и Америки и был, наконец, убит в Мексике. Сталин стал абсолютным властителем России.

Троцкий был ортодоксальным марксистским интеллектуалом. В силу этого он пытался представить свою личную вражду со Сталиным как результат принципиального расхождения. Он клеймил политику Сталина как измену святым заветам Маркса и Ленина. Сталин отвечал в том же духе. Фактически, однако, этот конфликт представлял собой соперничество двух лиц, а не конфликт антагонистических идей и принципов. Были небольшие разногласия в вопросах тактики. Но во всех основ-

ных вопросах Сталин и Троцкий занимали общие позиции.

До 1917 года Троцкий жил в эмиграции и был в той или степени знаком с основными языками Запада. Он держался как эксперт по международным вопросам. На самом деле он ничего не знал о цивилизации Запада, о политических идеях и политических условиях. В качестве странствующего изгнанника он общался исключительно с другими изгнанниками. Единственными иностранцами, с которыми он порой встречался в кафе и клубах Западной и Центральной Европы, были радикальные доктринёры, которые сами по себе – в силу одержимости марксизмом – были отделены от реальности. Его единственным чтением были марксистские книги и периодика. Всё другое он презирал как «буржуазную» литературу. Он был абсолютно неспособен видеть мир иначе, чем с точки зрения марксизма. Подобно Марксу, он был всегда готов истолковать любую крупную стачку или маленькую заварушку как знак начала последней великой революции.

Сталин – плохо образованный грузин, ни в малейшей степени не знакомый ни с одним иностранным языком. Он не знал ни Европы, ни Америки. Даже его достижения как марксистского литератора – сомнительны. Но именно этот факт, что он не был марксистским начётчиком, хотя и был при этом нестигаемым борцом за коммунизм, обеспечил ему превосходство над Троцким. Сталин мог видеть вещи, как они есть на самом деле, не обманываясь хитросплетениями диалектического материализма. При столкновении с проблемой он не искал истолкований в писаниях Маркса и Энгельса. Он *доверял* своему здравому смыслу. Ему хватило здравомыслия, чтобы признать, что политика мировой революции, начатая Лениным и Троцким в 1917 году, полностью провалилась за пределами России.

В Германии коммунисты, возглавлявшиеся Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург, потерпели поражение от регулярных армейских частей и националистических отрядов в кровавой схватке на улицах Берлина в январе 1919 года. Коммунистический насильственный захват власти в Мюнхене весной 1919 года, бунт Гельца в марте 1921 года точно также

окончились поражением. В Венгрии в 1919 году коммунисты были разбиты частями Румынской армии, а также отрядами Хорти и Гембеша. В Австрии многочисленные коммунистические заговоры провалились в 1918 и 1919 годах; свирепый бунт в июле 1927 года был легко усмирён венской полицией. В Италии в 1920 году захват предприятий окончился полной неудачей.

Во Франции и в Швейцарии коммунистическая пропаганда казалась очень влиятельной в первое время после окончания войны в 1918 году, но очень скоро истоцилась. В Великобритании в 1926 году общая стачка окончилась полным поражением.

Троцкий был настолько ослеплён собственной ортодоксальностью, что отказался признать провал большевистских методов. Но Сталин сделал это очень скоро. Он не оставил идею подготовки революционных взрывов во всех странах мира и в конце концов установления повсеместной советской власти. Но при этом хорошо сознавал, что агрессию нужно отложить на несколько лет, и что нужны новые методы её осуществления. Троцкий был неправ, приписывая Сталину удушение коммунистического движения за пределами России. Сталин просто использовал другие методы для достижения всё тех же целей, общих для всех марксистов.

Как истолкователь марксистских догм Сталин, конечно же, уступал Троцкому. Но он превосходил своего соперника как политик. Тактические успехи большевизма на мировой арене – заслуга Сталина, а не Троцкого.

В области внутренней политики Троцкий прибегал к испытанным традиционным трюкам, которые марксисты всегда использовали для развенчания социалистической политики других партий. Что бы Сталин ни делал, это не были истинные социализм и коммунизм, но, напротив, чудовищное извращение принципов Маркса и Ленина. Все катастрофические результаты общественного контроля над производством и распределением, проявлявшиеся в России, толковались Троцким как результат мелкобуржуазности политики. Они не были неизбежными следствиями коммунистических методов. Они

были печальными порождениями сталинизма, а не коммунизма. Исключительной виной Сталина было объяснено всё: что в стране правила совершенно безответственная бюрократия и привилегированные олигархические группы купались в роскоши, в то время как массы жили на грани голода; что террористический режим уничтожил старую гвардию революционеров и обрёл миллионы на рабский труд в концлагерях; что тайная полиция была всевластной; что профсоюзы были бессильными; что массы были лишены всех прав и свобод. Сталин не был лидером эгалитарного бесклассового общества. Он возглавил отход к худшим методам классового господства и эксплуатации. Новый правящий класс, втянувший примерно 10 процентов населения, безжалостно подавлял и эксплуатировал громадное большинство пролетарских тружеников.

Троцкий не мог объяснить, как всего этого сумел достичь один-единственный человек со своими прислужниками. Где же были «материальные производительные силы», столь много обсуждавшиеся в марксовом историческом материализме, которые «независимо от воли индивидуумов» определяют ход человеческой истории «с неотвратимостью законов природы». Как могло случиться, что один человек изменил «правовую и политическую надстройку», которую единственным и неизменным образом определяет экономическая структура общества? Даже Троцкий был согласен, что в России больше не существует частной собственности на средства производства. В империи Сталина производство и распределение безраздельно контролируются «обществом». Согласно основным положениям марксизма, в такой системе надстройка должна быть подобием земного рая. В марксистской доктрине не предусмотрена возможность, чтобы индивидуальными усилиями можно было извратить благодать общественного контроля над хозяйством и обратить жизнь в ад. Последовательный марксист – если бы последовательность была совместимой с марксизмом – должен бы признать, что политическая система сталинизма есть необходимая форма коммунистической надстройки.

Программа Троцкого разрешала все существенные вопро-

сы точно так же, как это делала и реальная политика Сталина. Троцкий оправдывал индустриализацию России. Именно к этому стремился пятилетний план Сталина. Троцкий оправдывал коллективизацию сельского хозяйства. Сталин создал колхозы и ликвидировал кулаков. Троцкий считал нужным создание большой армии. Сталин создал такую армию. Пока Троцкий сохранял власть, он не был демократом. Напротив, он фанатично требовал диктаторского подавления всех «саботажников». Верно, конечно, что он не предвидел, что диктатор отнесётся к нему – Троцкому, автору марксистских трактатов и ветерану славной революции, – как к худшему из саботажников. Подобно другим адвокатам диктатуры, он предполагал, что либо он сам, либо кто-нибудь из его близких друзей будет диктатором.

Троцкий был критиком бюрократизма. Но он не предлагал никакого другого способа ведения дел в социалистическом обществе. Нет другой альтернативы ориентированному на прибыль частному бизнесу, чем бюрократическое управление.²⁰

Истина в том, что Троцкий нашёл у Сталина только одну ошибку – тот стал диктатором вместо Троцкого. Оба были правы в своей взаимной вражде. Сталин был прав в том, что его режим был воплощением истинных коммунистических принципов. Троцкий был прав в том, что сталинский режим обратил российскую жизнь в ад.

Троцкизм не исчез полностью со смертью Троцкого. Буланжизм во Франции также на какое-то время пережил генерала Буланже. В Испании до сих пор есть карлисты, хотя линия Дон Карлоса вымерла. Такие посмертные движения, конечно, обречены.

Но во всех странах есть люди, которые – при собственной беззаветной преданности идеям всестороннего планирования, то есть общественной собственности на средства производства – приходят в ужас при столкновении с реалиями коммунизма. Эти люди разочарованы. Они мечтают о райском саде. Для них коммунизм или социализм означает лёгкую жизнь, в достатке и полном наслаждении всеми свободами и удовольствиями жиз-

²⁰ Mises, *Bureaucracy*, Yale University Press, 1944.

ни. Они не в силах осознать противоречивость собственного представления о коммунистическом обществе. Они некритично восприняли все лунатические фантазии Шарля Фурье и все нелепости Веблена. Они простодушно верят утверждению Энгельса, что социализм будет царством неограниченной свободы. Они винят капитализм во всём том, что вызывает их неудовольствие и полностью убеждены, что социализм избавит их от всех неприятностей. Собственные неудачи и поражения они приписывают бесчестности этой «безумной» системы конкуренции и надеются, что социализм обеспечит им достойное положение в обществе и высокий доход, которые им положены по праву. Это просто спящие красавицы, ждущие принца-спасителя, который сумеет по достоинству оценить их добродетели и заслуги. Проклинать капитализм и восхвалять коммунизм – для них утешение. Так можно скрыть от себя собственную неполноценность и взвалить на «систему» собственные неудачи.

Призывая диктатуру, такие люди всегда надеются на диктатуру собственной клики. Требуя планирования, они всегда подразумевают собственные планы, а не планы других. Они никогда не признают, что социалистический или коммунистический режим представляет собой истинный социализм или коммунизм, если только им не обеспечены высшие статус и доход. Для них основной чертой настоящего и истинного коммунизма является то, что всё происходит согласно их собственной воле, а все несогласные принуждаются к повиновению.

Это факт, что большинство наших современников поражены идеями коммунизма и социализма. Однако это не означает, что они единодушны в планах национализации средств производства и общественного контроля над производством и распределением. Напротив. Каждая социалистическая ячейка фанатически враждебна планам всех других социалистических групп. С наибольшим ожесточением социалистические секты воюют именно друг с другом.

Если бы случай с Троцким – как и аналогичная история с Грегором Штрассером в нацистской Германии – были только отдельными примерами, их не следовало бы и рассматривать.

Но это не случайные явления. Они типичны. Их изучение открывает психологические причины и популярности социализма и невозможности его реализовать.

VI. Высвобождение демонов

История человечества это история идей. Именно идеи, теории и доктрины направляют действия людей, определяют конечные цели человека и выбор средств для достижения этих целей. Сенсационные события, возбуждающие страсти и привлекающие к себе внимание поверхностных наблюдателей, – есть, в сущности, только лишь завершение идеологических изменений. Не бывает резкого и внезапного преобразования всей жизни. То, что называют, вполне запутывающим образом, «поворотной точкой истории», есть просто момент выхода на сцену сил, которые уже задолго работали подспудно. Новые идеологии, которые уже задолго до этого скрытно вытесняли старые, сбрасывают последнюю оболочку и даже самые непроницательные оказываются лицом к лицу с новизной, прежде ими не замечавшейся.

В этом смысле захват Лениным власти в октябре 1917 года был, конечно, поворотной точкой. Но значение этого события вовсе не то, какое ему обычно приписывают коммунисты.

Эта победа сыграла не столь значительную роль в движении к социализму. Просоциалистическая политика промышленных стран Центральной и Западной Европы в этом плане имели куда большие последствия. Введённая Бисмарком система социального страхования играла куда большую роль в этом движении к социализму, чем экспроприация отсталых заводов России. Государственные железные дороги Пруссии дали единственный пример государственного предприятия, которое, по крайней мере, временно, не стало жертвой финансового краха. Британия уже до 1914 года воспроизвела основные элементы германской системы социального страхования. Во всех промышленных странах правительства являли преданность идеям

государственного вмешательства в экономику, идеям, ведущим напрямую к социализму. В ходе войны большинство правительств вели политику, названную военным социализмом. Программа Гинденбурга (Германия), которая, разумеется, не могла быть выполнена полностью из-за поражения в войне, была не менее радикальна и, к тому же, лучше составлена, чем широкоизвестные пятилетние планы России.

Для социалистов сильно индустриализованных стран Запада русские методы были вполне бесполезны. Для этих стран производство на экспорт было непременным условием выживания. Они не могли принять русскую систему экономической автаркии. Россия никогда не экспортировала промышленные товары в сколько-нибудь заметных количествах. В советский период она почти совсем исчезла с мировых рынков зёрна и сырых материалов. Даже фанатичные социалисты не могли не признать, что Западу нечему учиться у России. Очевидно, что превозносимый большевиками технологический прогресс есть просто топорная имитация того, что производилось на Западе. Ленин определил коммунизм как «Советскую власть плюс электрификация». Что ж, электрификация это западная идея, и страны Запада обогнали Россию в области электрификации не меньше, чем во всех других.

Реальное значение ленинской революции следует видеть в том, что она явила миру пафос неограниченного насилия и принуждения. Она несла с собой отрицание всех политической идеалов, в течение трёх тысячелетий направлявших развитие Запада.

Государство и правительство есть не что иное, как общественный аппарат жестокого насилия и принуждения. Такой аппарат, власть полиции, необходим для того, чтобы антиобщественно-настроенные индивидуумы и группы не разрушили систему общественного сотрудничества. Жестокое предотвращение и подавление антиобщественной активности благотворны для всего общества и для каждого из его членов. Но жестокость и насилие сами по себе есть зло и коррумпируют тех, кто их осуществляет. Необходимо ограничивать власть тех, кто

находится при должности, чтобы они не стали совершенными деспотами. Общество не может существовать без аппарата насилия и принуждения. Но точно так же оно не может существовать, если власть имеющие становятся безответственными тиранами и вольны расправляться со всеми неудобными.

Социальная функция законов в том, чтобы ограничивать произвол полиции. Законы ограничивают со всей возможной тщательностью произвол полицейских чиновников. Они строго ограничивают их возможности действовать по собственному разумению и, таким образом, очерчивают сферу жизни, в которой граждане вольны делать что угодно, не опасаясь правительственного вмешательства.

Свобода и вольность – это всегда свобода от полицейского вмешательства. В природе нет таких вещей, как свобода и вольность. Там есть только неуклонность законов природы, которым человек должен, безусловно, подчиняться, если желает достичь хоть чего-нибудь. Не существовало свободы и в воображаемом райском существовании, которое, согласно фантазии многих писателей, предшествовало установлению общественных отношений. Где нет правительства, каждый оказывается в зависимости от более сильного соседа. Свобода возможна только в рамках государства, способного помешать бандиту убивать и грабить тех, кто слабее его. Но только господство закона не позволяет власть имеющему самому превратиться в худшего из бандитов.

Законы определяют нормы легитимных действий. Они устанавливают процедуры, необходимые для изменения или отмены существующих законов и принятия новых. Подобным же образом они устанавливают процедуры применения законов в определённых случаях, должный процесс правосудия. На законах держатся суды и трибуналы. Таким образом, они нацелены на то, чтобы не возникало ситуаций, в которых индивидuum оказался бы во власти произвола администрации.

Смертный человек склонён к ошибкам, а судьи и законодатели смертны. Вновь и вновь может повторяться, что достойные законы или их толкование судами не позволяют ис-

полнительным властям прибегнуть к мерам предположительно благим. Это, впрочем, не большая беда. Если законодатели осознают недостатки достойных законов, они могут изменить их. Скверно, конечно, что преступник может порой избежать наказания из-за дыры в законах или оттого, что прокурор пренебрёт какими-либо формальностями. Но это меньшее зло, если сравнить его с последствиями неограниченной произвольной власти «доброжелательного» деспота.

Именно этого и не могут понять антиобщественные индивидуумы. Такие люди проклинаят формализм должного правового процесса. Почему закон препятствует правительству использовать благотворные меры? Разве это не фетишизм, подчинить всё верховенству закона, а не целесообразности? Они требуют перехода от правового государства (*Rechtsstaat*) к государству благосостояния (*Wohlfahrtsstaat*). В этом неправовом государстве патерналистское правительство должно иметь возможность сделать всё необходимое для блага населения. Никакой «бумажный хлам» не должен мешать просвещённому правителю в его стремлении к общему благу. Все противники должны быть безжалостно сокрушены, чтобы не мешали благотворной политике правительства. Никакие пустые формальности не должны их больше защищать от заслуженного наказания.

Точку зрения защитников государства благосостояния принято называть «социальной», в отличие от «индивидуалистической» и «эгоистической» точки зрения тех, кто стоит за верховенство законов. На деле, однако, сторонники государства благосостояния не кто иные, как антисоциальные и нетерпимые фанатики. Их идеология неявно предполагает, что правительство будет исполнять как раз то, что они считают правильным и благотворным. Они совершенно не задумываются о возможности возникновения разногласий в том, что считать правильным и благим, а что – нет. Они восхваляют просвещённый деспотизм, но убеждены, что просвещённый деспот во всех случаях будет согласен с ними в вопросе о нужных мерах. Они одобряют планирование, но всегда предполагают, что это

будет их собственный план, а не планы других сограждан. Они хотят устранения всех оппонентов, то есть всех, кто не согласен с ними. Они совершенно нетерпимы и не склонны допустить какое-либо разномыслие. Каждый сторонник государства благосостояния и планирования – потенциальный диктатор. Он планирует всегда одно – как ограничить права других людей и присвоить себе и своим друзьям неограниченные полномочия. Он отказывается убеждать своих сограждан. Он предпочитает «ликвидировать» их. Он презирает «буржуазное» общество, которое обоготворяет закон и правовые процедуры. Сам-то он обоготворяет насилие и кровь.

Несовместимость этих двух доктрин – правового государства и государства благосостояния – была в центре всех сражений за свободу. Это была долгая тяжкая эволюция. Вновь и вновь торжествовали вожди абсолютизма. Но, в конце концов, правовое государство стало преобладающим в Западном мире. Верховенство закона или ограниченное правительство, ограниченное конституциями и биллями о правах, – характерные мечты этой цивилизации. Именно верховенство законов сделало возможным замечательные достижения современного капитализма и его – как сказали бы последовательные марксисты – «надстройки», демократии. Именно это обеспечило постоянно умножающемуся населению беспрецедентное благосостояние. Широкие массы в капиталистических странах наслаждаются сегодня более высоким уровнем жизни, чем зажиточные слои населения в предыдущие эпохи.

Все эти достижения не останавливают адвокатов деспотизма и планирования. Правда, для апологетов тоталитаризма было бы крайней неосторожностью раскрывать неизбежные последствия своих планов. В XIX веке идеи свободы и верховенства законов обрели такой престиж, что открытая атака на них казалась бы безумием. Общественное мнение было совершенно убеждено, что деспотизм потерпел поражение и возврата к старому быть не может. Даже царь варварской России разве не был вынужден уничтожить рабство, дать своей стране суд присяжных, даровать ограниченные свободы печати и уважать

закон?

Социалисты прибегли к трюку. В своих замкнутых кружках они продолжали обсуждать грядущую диктатуру пролетариата, то есть диктатуру идей каждого из социалистических авторов. Но на широкую публику они выступали иначе. Социализм, заклинали они, принесёт истинные и подлинные свободу и демократию. Он устранил все формы принуждения и насилия. Государство «отомрёт». В процветающем мире социализма не станет со временем ни судей, ни полиции, ни тюрем, ни казней.

Большевики первые сорвали маску. Они были совершенно уверены, что настал день их окончательной и несокрушимой победы. Дальнейшее притворство стало и ненужным и невозможным. Стало возможным открыто служить кровавую мессу. И это вызвало энтузиазм у всех опустившихся журналистов и салонных интеллектуалов, которые годами бредили идеями Сореля и Ницше. Интеллигенты предали разум, и плоды этого предательства созрели. Молодёжь, вскормленная идеями Карлейля и Рескина, была готова взять власть в свои руки.²¹

Ленин был не первым узурпатором. Многие тираны предшествовали ему. Но его предшественники были в конфликте с идеями своих великих современников. Они были в разладе с общественным мнением, поскольку принципы их правления не совпадали с общепринятыми принципами права и закона. Их презирали и ненавидели как узурпаторов. Но ленинскую узурпацию воспринимали иначе. Он был жестокий сверхчеловек, о пришествии которого возвещали псевдофилософы. Он был фальшивым мессией, которого история выбрала для спасения через кровопускание. Не был ли он самым правоверным из адептов марксова «научного» социализма? Не был ли он предназначен судьбой для воплощения планов социализма – дела непосильного для слабых государственных деятелей разлагающейся демократии? Все благонамеренные люди алкали социализма; наука, устами непогрешимых своих профессоров, рекомендовала его; церкви проповедовали христианский

²¹ Benda, *La trahison des clercs*, Paris, 1927.

социализм; рабочие мечтали об устранении системы заработной платы. Он был достаточно рассудителен, чтобы понимать: нельзя сделать омлет, не разбив яиц.

Ленин был не первым узурпатором. Многие тираны предшествовали ему. Но его предшественники были в конфликте с идеями своих великих современников. Они были в разладе с общественным мнением, поскольку принципы их правления не совпадали с общепринятыми принципами права и закона. Их презирали и ненавидели как узурпаторов. Но ленинскую узурпацию воспринимали иначе. Он был жестокий сверхчеловек, о пришествии которого возвещали псевдофилософы. Он был фальшивым мессией, которого история выбрала для спасения через кровопускание. Не был ли он самым правоверным из адептов марксова «научного» социализма? Не был ли он предназначен судьбой для воплощения планов социализма – дела непосильного для слабых государственных деятелей разлагающейся демократии? Все благонамеренные люди алкали социализма; наука, устами непогрешимых своих профессоров, рекомендовала его; церкви проповедовали христианский социализм; рабочие мечтали об устранении системы заработной платы. Он был достаточно рассудителен, чтобы понимать: нельзя сделать омлет, не разбив яиц.

За полвека до того все цивилизованные люди осудили Бисмарка, когда он заявил, что великие исторические проблемы следует решать железом и кровью. Теперь громадное большинство квазицивилизованных преклонились перед диктатором, который изготовился пролить крови во много раз больше, чем Бисмарк.

Таково было истинное значение ленинской революции. Все традиционные представления о праве и законности были отринуты. На смену верховенству законов пришли неограниченное насилие и произвол. «Узкие границы буржуазной законности», как говаривал Маркс, были отброшены. Не стало каких-либо законов, которые могли бы ограничить власть имущих. Они стали вольны убивать *ad libitum*. Врождённое побуждение силой устранять неудобных – импульс, усмирённый

долгой и тягостной эволюцией – было раскрепощено. Демонов выпустили на волю. Настала новая эпоха незаконных захватов. Бандитов призвали к делу, и они повиновались Гласу.

Конечно, Ленин не хотел всего этого. Он не желал делиться с другими людьми правами, на которые претендовал сам. Он не намеревался делить с другими привилегию устранять неудобных. Его одного избрала история и ему доверила диктаторские полномочия. Он и только он был «законным» диктатором – так говорил ему внутренний голос. Ленин не был достаточно догадлив, чтобы понять, что другие люди, обуреваемые другими убеждениями, осмелятся действовать от имени собственного внутреннего голоса. Но в ближайшие несколько лет началось возвышение двух подобных ему – Муссолини и Гитлера.

Важно иметь в виду, что и фашизм и нацизм являлись разновидностями социалистической диктатуры. И члены коммунистических партий и многочисленные попутчики заклеили фашизм и нацизм как высшую, последнюю и самую угнетательскую стадию капитализма. Это отлично согласуется с их манерой честить любую партию последышем капитализма, если она не проявляет безусловного подчинения Москве. Этой судьбы не миновала даже социал-демократия Германии, классическая марксистская партия.

Гораздо важнее, что коммунисты сумели изменить семантическое значение термина фашизм, фашизм, как будет показано ниже, был ветвью итальянского социализма. Он приспособился к особенностям положения масс в перенаселённой Италии, фашизм не был изобретением Муссолини и пережил его падение. С самого начала иностранная политика фашизма и нацизма резко различались. Тот факт, что нацисты и фашисты тесно сотрудничали после войны в Эфиопии и были союзниками по второй мировой войне, не устраняет различий между двумя доктринами (так же как союз СССР и США не снял различий между советской и американской экономическими системами). Фашизм и нацизм в равной степени были привержены советскому принципу диктатуры и насилия над несогласными. Если пожелать найти общее в этих режимах, то

оба следует отнести к диктаторским режимам, так же как и Советы.

В последние годы семантические новации коммунистов пошли ещё дальше. Они называют всех, кто им несимпатичен, даже агитаторов свободного предпринимательства, фашистами. Большевизм, говорят они, есть единственная действительно демократическая система. Все некоммунистические страны и партии в сущности своей недемократичны, а значит, – фашисты.

Примечательно, что порой даже несоциалисты, например, последние отпрыски старой аристократии, заигрывают с идеей аристократической революции, моделируемой по образцу диктатуры Советов. Какими же мы были простаками, стенают они. Мы позволили одурачить себя фальшивыми идеями либеральной буржуазии. Мы верили, что недопустимо отступить от законности и уничтожать безжалостно всех, кто оспаривает наши права. Какими глупцами были эти Романовы, давшие своим смертельным врагам блага справедливого суда! Всякий, возбуждавший подозрение Ленина, погибал сразу. Ленин не колебался уничтожить – и безо всякого процесса – не только каждого подозреваемого, но и всех его родственников и друзей. Но цари из предрассудка боялись нарушить правила, записанные на этих клочках бумаги, – законы. Когда Александр Ульянов злоумышлял против жизни царя, он один был казнён; его брата Владимира не тронули. Таким образом, Александр III лично сохранил жизнь Ульянову-Ленину, человеку, который позже безжалостно уничтожил его сына, невестку, их детей и всех остальных членов семьи, до которых он смог добраться.

Однако от фантазий этих старых тори ничего в мире сдвинуться не может. Они представляли собой малую группу бесильных ворчунов. За ними не стояло никаких идеологических сил, и у них не было последователей.

Идея такой аристократической революции вдохновляла германский *Stahlhelm* и французский *Cagoidards*. Стальной шлем был просто разогнан приказом Гитлера. У французского правительства всегда была лёгкая возможность попересажать

кагуляров прежде, чем они сумели бы что-либо сделать.

Хорти не был диктатором. Он был регентом при парламентском правительстве. Венгерский парламент поставил коммунизм вне закона и при этом ревностно охранял свои конституционные прерогативы против Регента и его кабинета.

Ближайшим воплощением аристократическом диктатуры является режим Франко. Но Франко был просто марионеткой Муссолини и Гитлера, которые хотели заручиться помощью или хотя бы «дружеским» нейтралитетом Испании на случай войны с Францией. После того, как его защитники исчезли, дни Франко также сочтены.

Диктатура и жестокое подавление несогласных нынче являются исключительно социалистическим обыкновением. Это становится ясно, когда мы пристальнее вглядываемся в фашизм и нацизм.

VII. Фашизм

Отношение к войне 1914 года разделило итальянских социалистов на две группы.

Одна группа держалась твёрдых марксистских принципов. Эта война, утверждали они, война капиталистов. Пролетариям не к лицу соединяться с любой из партий. Пролетарии должны ждать великой революции, гражданской войны всех социалистов против всех эксплуататоров. До тех пор следует выступать за нейтралитет Италии.

Вторая группа была сильно возбуждена традиционной ненавистью к Австрии. По их мнению, первой задачей итальянцев должно быть освобождение своих братьев. Только потом пусть приходит день социалистической революции.

В этом конфликте Бенито Муссолини, выдающийся человек итальянского социализма, выбрал сначала правоверную марксистскую позицию. Никто не мог превзойти Муссолини в ревностности к марксизму. Он был непримиримым борцом за чистоту веры, непоколебимым защитником прав эксплуатируемого пролетариата, красноречивым пророком грядущего социалистического блаженства. Он был неумолимым обличителем патриотизма, национализма, империализма, монархического правления и всех религиозных предрассудков. Когда в 1911 году Италия начала великую серию войн коварным нападением на Турцию, Муссолини организовывал яростные демонстрации против отправки войск в Ливию. Теперь, в 1914 году, он отверг войну против Германии и Австрии как войну империалистическую. Тогда он был ещё под влиянием Анжелики Балабановой, дочери богатого русского землевладельца. Госпожа Балабанова посвятила его в тонкости марксизма. Для неё поражение Романовых значило куда больше, чем поражение Романовых значило

куда больше, чем поражение Габсбургов. Она не симпатизировала идеалам Рисорджименто.

Но итальянские интеллектуалы были, в первую очередь, националистами. Как и во всех других европейских странах, большинство марксистов тянулись к войне и завоеваниям. Муссолини не был готов расстаться с популярностью. Больше всего он ненавидел возможность оказаться в стороне от победителей. Он изменил свой подход и стал фанатичнейшим из сторонников нападения на Австрию. С помощью французских денег он основал газету для военной агитации.

Антифашисты ставят в укор Муссолини этот отход от истинного марксизма. Он был подкуплен французами, говорят они. Пора бы уж и этим людям знать, что издание газеты требует средств. Никто ведь не говорит о подкупе, когда богатый американец даёт деньги для публикации путеводителей или когда средства таинственно собираются в кассы коммунистических издательств, фактом является лишь то, что Муссолини появился на сцене мировой политики как сторонник демократии, а Ленин – как союзник императорской Германии.

Более чем кто-либо другой Муссолини способствовал вступлению Италии в войну. Его пропаганда позволила правительству объявить войну Австрии. Только те немногие, кто понимают, что именно дезинтеграция Австро-Венгерской Империи изменила судьбу Европы, могут осуждать его позицию в войне 1914–1918 годов. Только те итальянцы имеют право обвинять Муссолини, которые начали понимать, что единственным средством защиты италоязычных меньшинств в прибрежных районах Австрии от поглощения их славянским большинством было сохранение единства Австрийского государства, конституция которого гарантировала равные права всем лингвистическим группам. Муссолини был одной из самых жалких фигур истории, ничтожный хвостун и щёголь. Но остаётся фактом, что его первое значительное историческое достижение по-прежнему одобряется его соотечественниками и подавляющим большинством его зарубежных хулителей.

С окончанием войны популярность Муссолини упала. По-

пулярность русских событий вывела вперёд коммунистов. Но грандиозная коммунистическая авантюра – захват предприятий в 1920 году – окончилась полным провалом, и разочарованные массы вспомнили прежнего лидера социалистической партии. Они ринулись в новую партию Муссолини, к фашистам. Молодёжь с kloкочущим энтузиазмом приветствовала самозванного наследника Цезарей. Позднее Муссолини хвастал, что он спас Италию от коммунизма. Его враги страстно оспаривают это утверждение. Коммунизм, говорят они, уже не был реальной угрозой в Италии, когда Муссолини захватил власть. Истина в том, что провал коммунистов стимулировал приток сил в ряды фашистов, что и дало им возможность разгромить все остальные партии. Сокрушительная победа фашистов была не причиной, но следствием поражения коммунистов.

Программа фашистов, составленная в 1919 году, была резко антикапиталистической.²² Её могли бы одобрить не только самые радикальные сторонники Нового Курса, но и коммунисты. Когда фашисты пришли к власти, они позабыли о тех пунктах программы, которые относились к свободе печати, мысли и праву на создание организаций. В этом отношении они оказались добросовестными учениками Бухарина и Ленина. Более того, они не уничтожили, как было обещано, промышленные и финансовые корпорации. Италия чрезвычайно нуждалась в иностранных займах для развития промышленности. Основной проблемой фашистов в первые годы правления было завоевать доверие иностранных банкиров. Для них было бы самоубийственным разрушение итальянских корпораций.

Экономическая политика фашистов вначале ничем не отличалась от политики всех других стран Запада. Это была политика интервенционизма. С годами она всё сильнее сближалась с социализмом нацистского образца. Когда Италия, после поражения Франции, вступила во вторую мировую войну, её экономика уже во всех деталях походила на экономику нацистского типа. Отличием было то, что фашисты оказались ещё ме-

²² Эта программа издана на английском языке в книге Карло Сфорца: Carlo Sforza, *Contemporary Italy*, Translated by Drake and Denis de Kay, New York, 1944, стр. 295–296.

нее эффективными и ещё более коррумпированными, чем нацисты.

Но Муссолини не мог долго прожить без собственной экономической философии, фашизм возник как новая философия, неслыханная прежде и не известная другим народам. Он заявил о себе, как о благовествовании, которое восставший дух древнего Рима несёт угасающим демократическим народам, варварские предки которых некогда разрушили империю. Это было одновременным и полным завершением Ринашименто и Рисорджименто, конечное освобождение латинского гения от ярма иностранных идеологий. Его блистательный вождь, несравненный Дуче, был призван, чтобы найти окончательное решение жгучих проблем экономической организации общества и социальной справедливости.

Из пыльной груды забытых социальных утопий фашистские учёные извлекли схемы гильдейского социализма. Гильдейский социализм был очень популярен среди британских социалистов перед первой мировой войной и в первые годы после её окончания. Идея была настолько непрактичной, что очень быстро исчезла из социалистической литературы. Ни один серьёзный государственный деятель никогда ни мгновения не посвятил противоречивым и путанным построениям гильдейского социализма. Он был почти забыт уже, когда фашисты дали ему новое имя и торжественно провозгласили, что корпоративизм – новый универсальный путь спасения общества. Публика в Италии и в других странах была очарована. Бесчисленные книги, памфлеты и статьи были написаны во славу *stato corporativo*. Правительства Австрии и Португалии очень скоро провозгласили, что они привержены благородным принципам корпоративизма. Папская энциклика *Quadragesimo Anno* (1931) содержала несколько параграфов, которые могут быть истолкованы – но не обязательно так – как утверждение корпоративизма. Во Франции эти идеи нашли многих красноречивых сторонников.

Но всё это были пустые слова. Никогда фашисты не сделали ни малейшей попытки реализовать корпоративистскую

программу – промышленное самоуправление. Они сменили имя торговой палаты – на корпоративный совет. Они назвали *corporazione* принудительную ассоциацию различных отраслей промышленности, которые стали административными центрами реализации нацистского социализма. Но не возникало и вопроса о самоуправлении *corporazione*. фашистское правительство не терпело ни малейшего вмешательства в свои абсолютно авторитарные методы контроля производства. Все планы по созданию корпоративной системы остались на бумаге.

Основная проблема Италии – относительное перенаселение. В эту эпоху барьеров на пути торговли и миграции итальянцы обречены жить на более низком уровне, чем жители других стран. Фашисты видели единственный способ выхода из этой неприятной ситуации: завоевание. Они были слишком недалеки, чтобы осознавать, что предлагаемое решение хуже и опаснее самой болезни. Более того, они были настолько ослеплены самонадеянностью и тщеславием, что не замечали даже, насколько смешны их провокационные выступления. Иностранцы, которых столь настойчиво вызывали на битву, отлично знали, сколь ничтожны военные силы Италии.

Что бы ни говорили его сторонники, фашизм не был порождением итальянского ума. Начало ему положил раскол марксистского социализма – учения бесспорно импортного. Экономическая программа фашизма была заимствована у немарксистского германского социализма, а агрессивность также была заимствована в Германии, у *Alldeutsche* или пангерманских предтеч нацизма. Ведение правительственной политики было заимствованием ленинского стиля диктатуры. Корпоративизм, столь превознесённое идеологическое украшение, был британского происхождения. Единственным доморощенным ингредиентом фашизма был театральный стиль процессий, представлений и праздников.

Краткосрочный фашистский эпизод окончился в крови, убожестве и позоре. Но силы, породившие фашизм, не умерли, фанатический национализм есть черта, общая всем современным итальянцам. Коммунисты, конечно же, не готовы от-

казаться от своих принципов диктаторского подавления всех несогласных. Да и католические партии не стали защитниками свободы мысли, печати или религии. В Италии по сею пору очень немногие понимают, что незаменимой предпосылкой демократии и свободы человека является экономическая свобода.

Может случиться, что фашизм вскоре воскреснет – с новым именем, под иными лозунгами и символами. Но если это случится, последствия будут незавидными. Ибо фашизм не является «новым путём жизни»²³, как провозглашали фашисты; это скорее старый путь к смерти и разрушению.

²³ См., например, Mario Palmieri, *The philosophy of Fascism*, Chicago, 1936, стр. 248.

VIII. Нацизм

Философия Национал-социалистской рабочей партии Германии есть чистейшее и самое последовательное проявление антикапиталистического и социалистического духа нашей эпохи. По происхождению, основные идеи нацизма вовсе не германские и не «арийские». Точно так же они не специфичны для современных немцев. В генеалогическом древе нацизма такие латиняне как Сисмонди и Жорж Сорель, такие англосаксы как Карлейль, Рескин и Хаустон Стюарт Чемберлен много важнее, чем любой германец. Даже самое знаменитое идеологическое украшение нацизма, басня о превосходстве арийской расы господ, была выдумана не в Германии: её автор француз Гобино. Немцы иудейского происхождения вроде Лассалья, Лассона, Шталя и Вальтера Ратенау внесли больше в основные принципы нацизма, чем такие люди, как Зомбарт, Шпанн и Фердинанд Фрид. Лозунг, который выражал экономическую философию нацистов, а именно: *Gemeinnutz geht vor Eigennutz* (то есть, «общая польза превышает частной пользы»), в равной степени выражает философию американского Нового Курса и советской экономической политики. Этот лозунг предполагает, что ориентация на прибыль вредит интересам большинства населения и что священный долг народного правительства методами общественного контроля над производством и распределением предотвращать извлечение прибыли.

Единственным специфически германским составляющим нацизма было стремление к завоеванию *Lebensraum*. И это тоже было результатом согласия этой партии с идеями, формировавшими политику наиболее влиятельных политических партий всех других стран. Эти партии провозглашали равенство доходов как основную цель. Нацисты делали то же. Един-

ственным отличием нацистов является то, что они не готовы смириться с перспективой, при которой немцы обречены быть навечно «заключёнными» в сравнительно небольшом и перенаселённом пространстве, в котором производительность труда всегда будет ниже, чем в сравнительно малонаселённых, лучше обеспеченных природными ресурсами странах. Они стремятся к более «справедливому» распределению естественных ресурсов земли. В качестве «обездоленного» народа, они смотрят на богатство других народов с тем же чувством, с каким многие граждане западных стран взирают на своих богатых соседей. «Прогрессисты» в англосаксонских странах утверждают, что «свободу не стоит иметь» тем, кто обижен сравнительной малостью своего дохода. Нацисты утверждают то же самое в сфере международных отношений. По их мнению, единственная свобода, которая имеет значение, это *Nahrungsfreiheit* (то есть, «свобода от импорта продовольствия»). Они стремятся к приобретению территории настолько большой и богатой природными ресурсами, чтобы они смогли быть совершенно самодостаточными и при этом иметь уровень жизни не ниже, чем у других народов. Они считают себя революционерами, которые сражаются за неотчуждаемые естественные права против корыстных интересов чужих реакционных народов.

Экономисту легко вскрыть все нелепости нацистской доктрины. Но те, кто третируют экономику как «ортодоксальную и реакционную» и фанатично выпячивают никчёмные верования социализма и экономического национализма, были здесь бессильны. Ибо нацизм был ничем иным, как логическим следствием приложения их собственных принципов к условиям отнюдь перенаселённой Германии.

Более 70 лет немецкие профессора политических наук, истории, права, географии и философии неистово заряжали своих учеников истерической ненавистью к капитализму и восхваляли «освободительную» войну против капиталистического Запада. Германские «катедер-социалисты» столь уважаемые в других странах, были вдохновителями двух мировых войн.

Уже в начале столетия подавляющее большинство немцев

были радикальными сторонниками социализма и агрессивного национализма. Уже тогда они были верными и последовательными нацистами. Недоставало только названия доктрины, и оно прибавилось позже.

Когда советская политика безжалостного насилия и массового устранения всех несогласных отменила запрет на массовое убийство, который всё ещё довлел над некоторыми немцами, ничто больше не задерживало возвышения нацизма. Нацисты быстро освоили советские методы. Они заимствовали в России: однопартийную систему и господство этой партии в политической жизни; ключевую роль тайной полиции в интеграции общества; концентрационные лагеря; административное преследование или заключение всех оппонентов; устранение семей подозреваемых и ссыльных; методы пропаганды; организация братских партий за рубежом и использование их для подрыва местных правительств, для шпионажа и саботажа; использование дипломатических и консульских служб для подготовки революции и многое другое. Нигде и никогда Ленин, Троцкий и Сталин не имели более понятливых и толковых учеников, чем нацисты.

Гитлер не был создателем нацизма, но только лишь его порождением. Подобно большинству его соратников, он был садистическим бандитом. Необразованный и невежественный, он не совладал даже со средним образованием. У него никогда не было пристойной работы. Рассказни о том, что он однажды работал обойщиком – басня. Его армейские успехи во время первой мировой были весьма посредственны. Железный крест первого класса был выдан ему уже после войны в награду за агентурные услуги. Он был психопатом, страдающим от мегаломании. Но почтенные профессора питали его сомнение. Вернер Зомбарт, который некогда говорил, что его жизнь посвящена борьбе за победу идей Маркса²⁴, Зомбарт, которого Американская экономическая ассоциация облекла званием Почётного члена, которому многие иностранные университеты подносили титулы и звания, чистосердечно провозгласил,

²⁴ W. Sombart, *Das Lebenswerk von Karl Marx*, Jena, 1909, стр. 3.

что *Fuhrertum* означает непрерывное откровение, и что *Fuhrer*, вождь, получает приказы непосредственно от Бога, высшего *Fuhrer'a* Вселенной.²⁵

Нацистский план был более всеобъемлющим и, следовательно, более пагубным, чем марксистский. Он поставил целью устранить свободу не только в сфере производства материальных благ, но и в производстве человека. Фюрер был не только верховным распорядителем всех производств. Он был также верховным управляющим фермы, выводящей высшую породу человека и уничтожающей негодные породы людей. Грандиозный план улучшения человеческой породы должен был выполняться в согласии с принципами «науки евгеники».

Нацистский план был более всеобъемлющим и, следовательно, более пагубным, чем марксистский. Он поставил целью устранить свободу не только в сфере производства материальных благ, но и в производстве человека. Фюрер был не только верховным распорядителем всех производств. Он был также верховным управляющим фермы, выводящей высшую породу человека и уничтожающей негодные породы людей. Грандиозный план улучшения человеческой породы должен был выполняться в согласии с принципами «науки евгеники».

Теоретикам улучшения человеческой породы не стоит и пытаться откеститься от того, что натворили в этом деле нацисты. Идея была в том, чтобы дать неким людям, наделённым административной властью, полный контроль над процессом воспроизводства человека. Предполагается, что методы, используемые при разведении домашнего скота, вполне применимы и к самому человеку. Как раз это и попытались исполнить нацисты. Единственное, что может возразить последовательный теоретик улучшения человечества, это что его план отличается от нацистского и что он выводил бы иной тип человека, чем нацистские учёные. Так же как каждый сторонник экономического планирования стремится к выполнению только своих собственных планов, так и каждый сторонник биологиче-

²⁵ W. Sombart, *A New Social Philosophy*, Trans. and ed. by K. F. Geiser, Princeton University Press, 1937, стр. 194.

ского планирования склонён следовать только собственным идеям о путях улучшения человеческой породы.

Сторонники евгеники заявляют, что они стремятся избавить человечество от врождённых преступников. Но понятие о «преступлении» зависит от существующих законов и изменяется со сменой социальных и политических идей. Жанна д'Арк, Ян Гус, Джордано Бруно и Галилео Галилей были преступниками по законам своих судей. Когда Сталин ограбил Русский государственный банк на несколько миллионов рублей, он совершил преступление. Сегодня в России не соглашаться со Сталиным – преступление. В нацистской Германии половая связь «арийца» с представителями «низших» рас – была преступлением. От кого евгеники хотели бы избавить человечество – от Брута или от Цезаря? Оба нарушили законы своей страны. Если бы улучшатели породы в 18 веке запретили алкоголикам рожать детей, результатом планирования стало бы нерождение Бетховена.

Следует ещё раз подчеркнуть: наука ничего не знает о том, что должно быть. Кто из людей кого достойней и наоборот, может быть только предметом личного ценностного суждения, и это суждение не подлежит верификации. Теоретики улучшения человеческой породы дурачат сами себя, когда предполагают, что именно им доверят определять, какие именно качества следует культивировать в «человечьем стаде». Им не хватает ума, чтобы учесть, что другие люди могут проводить отбор в соответствии с другими ценностными суждениями.²⁶ В глазах нацистов жестокий убийца, «белокурая бестия» был наиболее ценным представителем человечества.

Массовые убийства в нацистских лагерях смерти слишком чудовищны, чтобы описать словами. Но они были логичным и последовательным приложением доктрин и политики, претендовавших на звание научных. Эти доктрины и эта политика были одобрены некоторыми людьми, которые в области естественных наук при проведении лабораторных исследова-

²⁶ См. сокрушительную критику расовой евгеники: H. S. Jennings, *The Biological Basis of Human Nature*, New York, 1930, стр. 223–251.

ний проявляли немало сообразительности и технического искусства.

IX. Уроки советского опыта

Множество людей по всему миру уверены, что советский «эксперимент» дал решающие доказательства в пользу социализма и устранил все или, по крайней мере, большинство возражений против него. Факты, утверждают они, говорят сами за себя. Бессмысленно и дальше обращать внимание на ложные априорные возражения профессоров, критикующих социалистические планы. Критический эксперимент опроверг все их заблуждения.

На всё это следует возразить, во-первых, что в области целенаправленного человеческого поведения и в сфере социальных отношений никакие эксперименты невозможны и никаких экспериментов никто никогда не проводил. Экспериментальный метод, составивший всю славу и достижения естественных наук, неприменим к общественным наукам. Учёные-естественники могут в лабораторных условиях наблюдать за последствиями изолированного изменения одного из элементов при неизменности всех остальных. Экспериментальные наблюдения можно определённо соотнести с влиянием некоторых изолируемых элементов. Данными естественных наук как раз и являются взаимосвязи, выявляемые в таких экспериментах. Теории и гипотезы должны согласовываться с такими данными, фактами.

Но общественные науки имеют дело совсем с другой реальностью. Это исторический опыт. Это реальность сложных явлений, реальность совместного действия множества элементов. Никогда общественные науки не бывают в состоянии проконтролировать условия изменений и изолировать изменения так, как это обычно делает экспериментатор. В общественных явлениях никогда не удаётся наблюдать последствия измене-

ния только одного элемента, при неизменности всех остальных. Они никогда не имеют в своём распоряжении данных и фактов того же рода, как естествоиспытатели. Каждый факт и каждое наблюдение в естественных науках открыты множеству толкований. Исторические факты и исторический опыт не в силах доказать или опровергнуть утверждение так, как оно может быть подтверждено или опровергнуто в эксперименте.

Исторический опыт никогда не поясняет сам себя. Он должен быть истолкован с точки зрения теории, созданной без опоры на экспериментальные наблюдения. Нет нужды проводить эпистемологический анализ сопутствующих логических и философских проблем. Достаточно подчеркнуть тот факт, что каждый – будь это профессиональный исследователь социальных проблем или любитель – вынужден идти таким путём при анализе исторических явлений. Любое обсуждение значимости и смысла исторических фактов очень быстро сводится к обсуждению абстрактных общих принципов, которые логически предшествуют фактам, подлежащим пониманию и разъяснению. Ссылка на исторический опыт никогда не может разрешить ни одной проблемы, не может ответить ни на один вопрос. Одни и те же исторические события или же статистические данные приводятся в подтверждение взаимно несогласующихся теорий.

Если история и может что-либо доказать и чему-либо нас научить, то только лишь тому, что частная собственность на средства производства есть необходимая предпосылка цивилизации и материального благополучия. Все известные цивилизации были основаны на принципе частной собственности. Только народы, приверженные принципу частной собственности, вырвались из нищеты, создали науки, искусство и литературу. Не существует свидетельств тому, что любое другое устройство общества могло бы одарить человечество плодами цивилизации. Тем не менее, очень немногие считают это достаточным и неоспоримым опровержением социалистических программ.

Напротив, есть немало людей, доказывающих прямо про-

тивоположное. Нередки утверждения, что система частной собственности непригодна именно потому, что существовала прежде. Как бы благотворна ни была система организации общества в прошлом, она не может быть пригодна и в будущем. Новое время требует нового способа организации общества. Человечество достигло зрелости. Было бы вредно держаться за те принципы, которыми управлялись ранние стадии эволюции человечества. Это, конечно, самое радикальное отрицание экспериментализма. Экспериментальный метод может утверждать такое, например: поскольку а в прошлом имело результатом б, этого следует ожидать и впредь. Но невозможно утверждение такого типа: поскольку а в прошлом имело результатом б, в будущем такого быть уже не может.

Несмотря на тот факт, что в прошлом человечество не имело опыта социалистического способа производства, социалистические литераторы наконструировали, отталкиваясь от априорных рассуждений, различные образцы социалистических систем. Но как только кто-нибудь пытается проанализировать эти проекты, исследовать их выполнимость и способность повысить благосостояние человечества, социалисты страстно протестуют. Такой анализ, утверждают они, может быть только тщетной априорной спекуляцией. Подобным способом нельзя опровергнуть правильность наших утверждений и целесообразность наших планов. Следует испытать социализм и тогда результаты скажут сами за себя.

Требование социалистов абсурдно. Доведённая до логических пределов, эта идея предполагает, что разум человека не может отклонить заранее никакой план реформ, сколь бы бессмысленным, внутренне противоречивым и непрактичным он ни был. Согласно такому пониманию, единственный законный способ отключить абстрактные и априорные планы – испытать их на практике, пересоздав в соответствии с ними всё общество. И до тех пор, пока люди сочиняют планы наилучшего устройства общества, народы вынуждены будут испытывать их, чтобы увидеть результат.

Даже самые упрямые социалисты не могут отрицать, что

многие варианты утопий несовместимы друг с другом. Существует советская схема всеобщей национализации предприятий и полной бюрократизации управления хозяйством; есть германская схема *Zwangswirtschaft*, к полному принятию которой движется англосаксонский мир; есть гильдейский социализм, который под именем корпоративизма всё ещё очень популярен в некоторых католических странах. Есть множество иных вариантов. Сторонники большинства конкурирующих учений утверждают, что благие результаты могут быть получены, когда все народы примут их учение: в одной отдельно взятой стране социализм не может проявить весь свой чудотворный потенциал. Марксисты заявляют, что благотворность социализма проявится только в «высшей фазе», которая наступит, согласно имеющимся указаниям, только после того, как рабочему классу «придётся выдержать продолжительную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и обстоятельства и людей».²⁷ Из всего этого следует, что сначала нужно построить социализм, а потом долго и тихо ждать, пока не наступит обещанная благодать. Ни страшный опыт переходного периода, ни бесконечное ожидание не в силах опровергнуть утверждения, что социализм есть лучший из способов организации общества. Верующий будет спасён.

Но какую из многочисленных социалистических схем, противоречащих одна другой, следует воплощать? Каждая социалистическая секта страстно утверждает, что только её марка социализма – подлинная, а все другие секты рекламируют фальшивые, пагубные заблуждения. В борьбе друг с другом социалистические секты прибегают к тем же методам абстрактного рассуждения, которые они отрицают как тщетный априоризм в случае, если их используют для верификации практичности и пригодности их собственных построений. Других методов, впрочем, и не существует. Недостатки в системе абстрактных построений – каков и есть социализм – не могут быть вскрыты иначе, чем путём абстрактных же рассуждений.

Фундаментальное сомнение в реализуемости социализма

²⁷ К. Marx, *Der Burgerkrieg in Prankreich*, Berlin, 1919, стр. 54.

порождается невозможностью экономических калькуляций. Было неоспоримо продемонстрировано, что в социалистическом хозяйстве экономические калькуляции неосуществимы. Когда не существует рыночных цен на факторы производства, поскольку они не продаются и не покупаются, нельзя прибегнуть к калькуляциям для определения результатов прошлых действий или для планирования будущего. Управляющие социалистическим производством просто не в состоянии знать, в какой степени выбранные ими средства и методы соответствуют желаемым целям. Они будут править в темноте, как оно и происходит. Неизбежна расточительность в обращении с редкими ресурсами производства, как материальными, так и людскими. Хаос и всеобщая нищета являются неизбежным результатом.

Все ранние социалисты по недомыслию не могли понять этого важнейшего момента. Впрочем, и экономисты прежде недооценивали его важности. Когда автор этих строк в 1920 году продемонстрировал невозможность экономических калькуляций при социализме, апологеты социализма навалились на поиски методов калькуляции, пригодных для социалистического хозяйства. Их попытки оказались совершенно неудачными. Непригодность созданных ими способов легко показать. Те из коммунистов, которые не были полностью задавлены страхом перед Советскими карательными органами, например, Троцкий, открыто признали, что экономический расчёт невозможен в отсутствие рыночных цен.²⁸ Интеллектуальное банкротство социалистического учения больше не скрыть. При всей своей беспрецедентной популярности, социализм кончен. Ни один экономист не может более сомневаться в его нереализуемости. Сегодня признание социалистических идей может означать только полное невежество в области экономики. Социалистические утверждения также пусты и неосновательны, как высказывания магов и астрологов.

По отношению к этой основной проблеме социализма – к

²⁸ F. A. Hayek, *Individualism and the Economic Order*, Chicago University Press, 1948, стр. 39–91.

возможности экономического расчёта – «русский эксперимент» не показателен. Советы действуют в рамках мировой экономики, большая часть которой всё ещё является рыночной. Калькуляции, на основе которых они принимают решения, они выполняют на основании мировых цен. Без помощи этих цен их действия были бы совершенно бесцельными и непланируемыми. Только учёт зарубежной системы цен позволяет им калькулировать, вести учёт и составлять планы. В этом плане нужно согласиться с утверждением различных коммунистических и социалистических авторов, что социализм в одной или нескольких странах – ещё не настоящий социализм. Конечно, эти авторы имеют в виду нечто совсем другое. Они-то хотят сказать, что полностью блага социализма могут проявиться только в объемлющем весь мир социалистическом обществе. Знакомые с экономикой должны, напротив, признать, что к полному хаосу социализм придёт только, когда он охватит большую часть мира.

Второе существенное возражение против социализма заключается в том, что социализм есть менее совершенный способ организации производства, чем капитализм, и что он приведёт к сокращению производительности труда. Соответственно, в социалистическом обществе уровень жизни масс будет ниже, чем при капитализме. Нет сомнения, что этот аргумент не был опровергнут советским опытом. Единственный определённый факт относительно советской России, с которым согласны все, заключается в следующем: уровень жизни народа в России гораздо ниже, чем в стране, образцово представляющей капитализм – в Соединённых Штатах. Если бы пришлось рассматривать социализм в терминах эксперимента, пришлось бы сказать, что эксперимент отчётливо продемонстрировал превосходство капитализма и второсортность социализма.

Конечно, защитники социализма склонны толковать отставание уровня жизни в России иначе. Для них причиной нищеты является не социализм, а совсем другие обстоятельства. Они ссылаются при этом на отсталость России ещё при царях, на разрушительное воздействие войн, на предполагае-

мую враждебность капиталистических демократий, на предполагаемый саботаж остатков русского дворянства, буржуазии и кулаков. Нет нужды изучать все эти оправдания. Мы не считаем, что какой бы то ни было исторический опыт может доказать или опровергнуть теоретическое утверждение так же, как экспериментально можно верифицировать утверждения в естественных науках. Это не критики социализма, а его фанатичные сторонники утверждают, что советский «эксперимент» доказывает что-либо относительно социализма. На самом деле они, имея дело с явными и бесспорными данными о русском опыте, просто отбрасывают эти факты с помощью всевозможных фокусов и фальшивых силлогизмов. Они отрицают очевидные факты, комментируя их так, что факты теряют всякий смысл и всякое отношение к рассматриваемым вопросам.

Давайте допустим, к примеру, что их толкования верны. Но всё-таки было бы абсурдным утверждение, что советский эксперимент доказал превосходство социализма. Можно было бы утверждать разве что следующее: из того факта, что уровень жизни в России низок, нельзя сделать вывод о том, что капитализм превосходит социализм.

Сравнение с экспериментатором в области естественных наук может прояснить ситуацию. Биолог желает испытать новое патентованное питание. Он скармливает его несколькими морскими свинкам. Они худеют и умирают. Экспериментатор уверен, что исхудание и смерть не были вызваны новым питанием, но случайной эпидемией пневмонии. Тем не менее, он не мог бы заявить, что эксперимент подтвердил высокую пищевую ценность новой смеси. В лучшем случае он мог бы заявить, что данные эксперимента неокончательны, что они не дают оснований отрицать высокие достоинства нового питания. Положение такое, как если бы никакого эксперимента и не проводилось.

Даже если бы уровень жизни народа в России был намного выше, чем в капиталистических странах, это всё-таки не доказывало бы преимуществ социализма. Можно согласиться, что бесспорный факт – что уровень жизни в России ниже, чем на

капиталистическом Западе – ещё не доказывает окончательно превосходство капитализма. Но уж чистым идиотством является утверждение, что опыт России доказывает преимущества общественного контроля над средствами производства.

Точно так же не доказывает преимущества коммунизма тот факт, что русские армии, после многих поражений, наконец, – с помощью оружия, произведённого большими корпорациями Америки и подаренного им американскими налогоплательщиками – смогли помочь американцам завоевать Германию. Когда британские войска были вынуждены временно отступить в Северной Африке, профессор Гарольд Ласки, этот самый радикальный защитник социализма, поспешил заявить об окончательном поражении капитализма. Он не был достаточно последователен, чтобы истолковать захват Украины немцами как окончательное поражение русского коммунизма. Впрочем, он не изменил своему осуждению британской системы и когда его страна вышла из войны победительницей. Если бы военные события можно было использовать как свидетельство о превосходстве какой-либо социальной системы, то в данном случае события говорили бы, скорее, в пользу Америки, а не России.

Ничто из случившегося в России после 1917 года не противоречит ни одному из аргументов критиков социализма и коммунизма. Даже в тех случаях, когда все суждения основаны исключительно на писаниях самих коммунистов и попутчиков, невозможно обнаружить в русских условиях ничего, что свидетельствовало бы в пользу политической и социальной системы Советов. Все технологические усовершенствования последних десятилетий были созданы в капиталистических странах. Конечно, русские активно воспроизводили некоторые из этих новинок. Но точно также поступали все отсталые восточные народы.

Некоторые коммунисты пытаются убедить нас, что безжалостное подавление несогласных и радикальное уничтожение свободы мысли, слова и печати не являются неотъемлемыми следствиями общественного контроля над производством.

Они доказывают, что для коммунизма такие явления – случайность, результат того, что такая страна как Россия никогда не имела свободы мысли и совести. Однако эти апологеты тоталитарного деспотизма не в силах объяснить, как права человека могут быть гарантированы в условиях всевластия правительства.

Свобода мысли и совести в стране, где власти могут сослать каждого неугодного в Арктику или в пустыню, и принудить его к пожизненному тяжкому труду – неизбежно фальшивы. Самодержец может попытаться оправдать такие произвольные действия тем, что они вызваны исключительно заботой об общественном благе и экономической целесообразности. Он сам себе высший судья во всех вопросах, относящихся к выполнению плана. Свобода печати иллюзорна, когда правительство владеет и управляет всеми бумажными фабриками, типографиями и издательствами, и когда ему принадлежит окончательное право решать: что печатать, а что не печатать. Свобода собраний также невозможна, когда правительству принадлежат все залы. И точно также со всеми другими свободами. В один из своих светлых периодов Троцкий, конечно, – Троцкий изгнанник, преследуемая жертва, а не безжалостный командир Красной Армии – увидел вещи, как они есть, и заявил: «В стране, где единственным работодателем является государство, оппозиция означает голодную смерть. Старый принцип: кто не работает, тот не ест, – был заменён новым: кто не повинуется, тот не ест».²⁹ Это признание исчерпывает суть дела.

Русский опыт демонстрирует нам очень низкий уровень жизни народа и неограниченный деспотизм власти. Апологеты коммунизма склонны объяснять эти неприятные факты всякими случайностями, тем, что это не вследствие коммунизма, а несмотря на коммунизм. Но если бы даже кто-либо принял эти аргументы всерьёз, всё равно не имело бы никакого смысла утверждение, что советский «эксперимент» свидетельствует хоть чем-либо в пользу коммунизма и социализма.

²⁹ Цитата по F. A. Hayek, *The Road to Serfdom*, 1944, гл. IX, стр. 119.

Х. О неизбежности социализма

Многие люди верят, что приход тоталитаризма неизбежен. «Волна грядущего», говорят они, неотвратимо несёт человечество к такому состоянию, когда все решения будет принимать всемогущий диктатор. Бесполезно сопротивляться неоспоримым велениям истории.

Истина в том, что многим недостаёт интеллектуальных способностей и отваги, чтобы противостоять массовым движениям, как бы они ни были пагубны и неразумны. Бисмарк однажды выразил сожаление о недостатке у своих сограждан того, что он назвал гражданским мужеством, то есть отваги при столкновении с гражданскими проблемами. Но и граждане других стран явили не больше мужества и рассудительности при столкновении с давлением коммунистической диктатуры. Они либо молча уступали, либо выдвигали смехотворные возражения.

Не является битвой с социализмом критика отдельных его сторон. Нельзя сокрушить социализм, критикуя подход социалистов к разводу и контролю за рождаемостью, или их идеи в области искусства и литературы. Недостаточно опровергнуть марксистские утверждения относительно того, что теория относительности или философия Бергсона или психоанализ являются «буржуазными» фантазиями. Те, кто единственным грехом большевизма и нацизма считают их антихристианскую направленность, тем самым неявно оправдывают все остальные кровавые свойства этих систем.

С другой стороны, чистый кретинизм восхвалять тоталитарные режимы за предполагаемые достижения, которые не имеют ни малейшего отношения к их политическим и экономическим принципам. Не вполне достоверны наблюдения, что

и на самом деле в фашистской Италии поезда на железных дорогах ходили строго по расписанию или что количество клопов во второсортных отелях уменьшилось, но в любом случае они не имеют ни малейшего отношения к проблеме фашизма. Попутчики очарованы русскими фильмами, русской музыкой и русской икрой. Но великие музыканты жили и в других странах и при иных общественных системах; хорошие фильмы также снимались не только в России; ну и, разумеется, нежный вкус икры ни в какой степени не заслуга генералиссимуса Сталина. Примерно также красота русских балерин и масштабы гидроэлектростанции на Днепре не оправдывают массового уничтожения кулаков.

Читатели иллюстрированных журналов и любители кино тянутся к выразительному. Оперные шествия фашистов и нацистов, так же как парадные марши женских батальонов Красной Армии обращены к ним. Гораздо занятней слушать по радио речи диктаторов, чем штудировать экономические трактаты. Предприниматели и инженеры, прокладывающие пути к росту экономики, работают уединённо. Их труд не очень киногеничен. Но диктаторы, склонные сеять смерть и разрушение, очень импонируют публике. В своих военных мундирах они в глазах поклонников кино совершенно затмевают бесцветно одетых буржуа.

Проблемы экономической организации общества – совсем не подходящая тема для лёгкой беседы за коктейлем. Не могут они быть адекватно рассмотрены и демагогами, разглагольствующими на массовых митингах. Это серьёзные вещи. Они требуют усердных занятий. К ним нельзя относиться легкомысленно.

Социалистическая пропаганда никогда не сталкивалась с серьёзной оппозицией. Сокрушительная критика, которой экономисты подвергли бессмысленность и нереализуемость социалистических построений и доктрин, не затронула творцов общественного мнения. В университетах большей частью господствовали социалистические или интервенционистские доктринёры. Причём, так было не только в континентальной

Европе, где университеты принадлежат правительствам и управляются ими, но и в англосаксонских странах. Политики и государственные деятели, дрожащие за свою популярность, защищали свободу с прохладцей. Политика умиротворения, столько раз критиковавшаяся в связи с отношением к нацистам и фашистам, десятилетиями практиковалась по отношению к социалистам всех мастей. Именно это пораженчество привело молодое поколение к вере, что победа социализма неизбежна.

Это неверно, что массы страстно тянутся к социализму, и что сопротивляться им невозможно. Массы благосклонны к социализму, потому что верят социалистической пропаганде интеллектуалов. Интеллектуалы, а не простой люд формируют общественное мнение. Скверное извинение для интеллектуалов, что они вынуждены покоряться массам. Ведь они сами породили социалистические идеи и внедрили их в толпу. Ни один пролетарий или сын пролетария не внёс вклада в разработку социалистических или интервенционистских программ. Все такого рода авторы были буржуазного происхождения. Эзотерические писания диалектического материализма, работы Гегеля, прародителя одновременно марксизма и агрессивного германского национализма, книги Жоржа Сореля, Джентиле и Шпенглера изучались далеко не средними людьми; они не воздействовали на массы непосредственно. Интеллектуалы популяризировали их.

Интеллектуальные лидеры народов породили и распространили заблуждения, которые поставили на грань исчезновения свободу и цивилизацию Запада. Только интеллектуалы ответственны за массовые бойни, которые стали характерной чертой нашего столетия. Они одни способны обратить тенденцию и проложить путь к возрождению свободы.

Не мистические «материальные производительные силы», но разум и идеи определяют жизнь человека. Чтобы остановить сползание к деспотизму и социализму, необходимы здравый смысл и нравственное мужество.